

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

ПОСЛЕДНЯЯ
БИТВА
ИМПЕРАТОРОВ

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Последняя битва
императоров. Параллельная
история Первой мировой
Серия «Русская история»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17714640

*Валерий Шамбаров. Последняя битва императоров. Параллельная
история Первой мировой: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0388-3*

Аннотация

В своей книге известный историк и писатель Валерий Шамбаров рассказывает о Первой мировой войне, которую современники называли Второй Отечественной, а победившие большевики объявили империалистической и приказали забыть. Но историческую память не убить, и автор, скрупулезно восстанавливая забытые события начала XX века, одновременно проводя параллели между Первой и Второй мировой, раскрывает перед читателем истинные причины того, почему мир дважды за 25 лет сошелся в смертельной схватке.

Содержание

1. Пролог на Дворцовой площади	6
2. Увертюра для оркестра мировых держав	9
3. Кайзер и царь	20
4. Антанта	31
5. Тучи сгущаются	38
6. Россия перед схваткой	45
7. Русские противники	52
8. Русские союзники	70
9. Началось...	76
10. Армии и планы	91
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Валерий Шамбаров

Последняя битва императоров.

Параллельная история Первой мировой

© Шамбаров В. Е., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

МОЛИТВА ВОИНА

перед вступлением в бой с врагами Отечества

Господи Боже, Спасителю мой! По неизреченной любви Твоей Ты положил душу Свою за нас. И нам заповедал полагати души наша за друзей своих. Исполняя святую заповедь Твою и уповая на Тя, безбоязненно иду я положить живот свой за Веру, Царя и Отечество и за единомысленных братьев наших. Сподоби меня, Господи, непостыдно совершить подвиг сей во славу Твою. Жизнь моя и смерть моя – в Твоей власти. Буди

воля Твоя. Аминь.

1. Пролог на Дворцовой площади

2 августа 1914 г. люди стекались к Зимнему дворцу. Масса народа запрудила Дворцовую площадь, прилегающие улицы. Реяли флаги, транспаранты – «Да здравствует Россия и славянство!» Собирались рабочие, студенты, чиновники, гимназисты. Но все были сдержанны, торжественно строги. Были одеты по-праздничному, хотя шли совсем не на праздник. Из разных уст звучали одни и те же слова: «Германия... Вильгельм... сербы...» Все уже знали – немцы объявили войну, по колоннам там и тут порхали листки с царским Манифестом.

В залах дворца тоже былолюдно. Мундиры военных, фраки дипломатов и сановников. Рокотали басы священников, стройно и возвышенно пел хор. К небесам возносился молебен о даровании победы русскому оружию. По стране началась мобилизация – и первым из воинов принимал присягу сам государь. Это была старая присяга, такая же, какую приносил его прадед Александр I в грозном 1812 г. Отблески свечей играли на золотом окладе Святого Евангелия, в напряженной тишине звучали проникновенные и волнующие слова... Николай Александрович негромко, но твердо обратился к присутствующим. Он не желал этой войны. До последней возможности старался предотвратить ее. Но теперь, когда она уже началась, государь говорил другое. Говорил,

что никогда не согласится закончить войну, пока хоть одна пядь русской земли будет занята неприятелем.

Тишина взорвалась громовым «ура». Оно будто переполнило дворец, покатилося по залам, коридорам, из окон перехлестнуло на площадь — людское море не слышало слов царя, но тоже подхватило, и могучее «ура», нарастая, расплеснулось во все стороны. Николай II вышел на балкон, за ним появилась императрица. Когда люди увидели государя, бесчисленную массу будто пронизала электрическая искра, и воздух сотрясся новым «ура». Склонились знамена, и толпы в общем порыве упали на колени — все вместе, как один человек. Царь хотел что-то сказать, поднял руку. Передние ряды затихли, но задние не видели этого, оттуда опять накачивалось «ура», штормовыми непрерывными волнами. Николай Александрович понял, что его все равно не услышат. Но нужны ли были слова? Он просто стоял, склонив голову, пряча растроганные слезы. В трудный час они были едиными — царь и народ. Это чувствовалось и сердцем государя, и всеми русскими сердцами, тянувшимися к нему.

Потом император удалился в свои покои, люди тоже начали расходиться. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко очутился рядом с большой группой рабочих. Поллушутливо поинтересовался: а вы-то как сюда попали? Всего месяц назад бастовали, бузили, грозили чуть ли не за оружие взяться, чтобы зарплату повысили? Ему ответили серьезно, без улыбок: «То было наше семейное дело. Но теперь дело

касается всей России. Мы пришли к своему царю как к нашему знамени, и мы пойдем с ним во имя победы над немцами».

По улицам растекались гражданские люди. А шагали уже по-военному – твердо, уверенно... Они еще не знали, что минует три года, и все переменится, что они поделятся на красных и белых, на монархистов, демократов, учредилковцев, меньшевиков, эсеров, анархистов, большевиков. Потом будут делиться на ленинцев, троцкистов, правые и левые оппозиции. Все будут враждовать, воевать, казнить друг друга... Нет, этого еще не было. Русские люди были едиными. А раз так, то и победить их не мог никто. Они шли, чтобы грудью встретить врага. Шли на битву, может быть – на страдания и смерть, но вдохновенно, торжественно, как идут на святой подвиг. Военные оркестры играли марш «Прощание славянки»:

...Дрогнул воздух, туманный и синий,
И тревога коснулась висков,
И зовет нас на подвиг Россия.
Веет ветром от шага полков...

2. Увертюра для оркестра мировых держав

Первая мировая война перечеркнула историю «старой доброй Европы». Рухнул мир чопорных дам, благородных джентльменов, галантных офицеров, патриархальных фермеров, отважных путешественников. Мир классической музыки, классической литературы, поэзии... Впрочем, не будем пересказывать розовых легенд из романов и кинофильмов. XIX и начало XX в. на самом деле были хищной и жестокой эпохой. Европейские державы увлеченно делили и перекраивали земной шар. Чтобы выглядеть «великими», каждая стремилась иметь колонии.

Блеск и величие западной цивилизации достигались во все не за счет передового общественного устройства или высокой культуры, а за счет ограбления других стран. А награбленные средства как раз и позволяли европейцам развивать свою науку, технику, искусство, образование. Ни о какой «толерантности» даже речи не было. Считалось само собой разумеющимся, что белая раса призвана господствовать над миром, а прочие народы – всего лишь «грязные дикари». Поэтому колонизаторы ничуть не считали себя хищниками. Официально утверждалось, что они выполняют благую миссию управлять «неполноценными» народами, а взамен выка-

чиваемых богатств «дикари» получают западную культуру.

В Азию, Африку, на острова Индийского и Тихого океанов эта культура внедрялась в виде разврата, пьянства, алчности, бездуховности. Кое-где ее отказывались принимать. Например, Китай запретил ввоз опиума из Индии. Что ж, тогда британские и французские эскадры бомбардировали китайские портовые города. Расстреливали до тех пор, пока пекинское правительство не сдалось и не открыло дорогу наркотикам. Получилось очень выгодно. Отныне Китай быстро разрушался, волна наркомании подрывала экономику, торговлю, обороноспособность, белые люди легко захватывали страну под контроль. И все это без малейших затрат. Наоборот, в их кошельки текли колоссальные прибыли.

А некоторые народы предпочитали просто истребить. Англичане в середине XIX в. поголовно уничтожили жителей Тасмании. Исчезли без следа патагонцы, огнеземельцы. В США изгоняли с родной земли индейцев, вытесняли в пустынные места, убивали в карательных экспедициях, подбрасывали зараженные оспой одеяла. Восстания в колониях подавлялись суровейшим образом, тут уж вообще не церемонились.

Но и сама Европа в XIX в. очень отличалась от лубочных картинок с пышно наряженными господами и дамами. С красивыми центральными улицами городов соседствовали трущобы бедноты. Рабочие эксплуатировались на износ, о какой-либо технике безопасности, ограничении детского и

женского труда еще никто не заикался. В 1845 г. в Ирландии не уродился картофель, крестьяне из-за этого не могли уплатить ренту, и их сгоняли с земли. За 5 лет умерло от голода около миллиона человек. Если же чернь бунтовала, с ней расправлялись не менее круто, чем с «дикарями». Демонстрации расстреливали и в Америке, и в Швейцарии, и в Германии. В Париже при подавлении восстания 1848 г. казнили 11 тыс. человек. А при подавлении Парижской коммуны в 1870 г. маршал Мак-Магон казнил 20 тыс. Его признали спасителем Франции и громадным большинством голосов избрали президентом.

В британской армии, на флоте, в учебных заведениях широко практиковались телесные наказания. Их отменили лишь в начале XX в. А в британской Индии телесные наказания официально применялись до 1930-х гг. В Германии и Австрии до 1848 г. существовало крепостное право, в США до 1865 г. процветало рабовладение, причем в войне Севера с Югом Англия и Франция поддерживали южных рабовладельцев. В Бразилии и Австралии рабство продержалось до конца XIX в., в Южной Африке – до 1901 г. А жители колоний, даже сохранявшие личную свободу, все равно не признавались полноценными людьми.

Но была одна великая держава, не похожая на другие – Россия. Она раскинулась от Балтики до Тихого океана, однако ее пространства были не колониями, а органическими частями империи. Грузины, литовцы, якуты в составе госу-

дарства были полноправными «русскими» – в отличие от индусов в Британии или вьетнамцев во Франции. Численность коренных народов Сибири и Севера увеличивалась. Россия, в противовес Западу, развивалась и богатела за счет собственных ресурсов. Она перенимала некоторые зарубежные достижения, но не копировала чужеземные модели управления, оставалась самодержавной монархией. Страна была многонациональной, каждому народу дозволялось исповедовать свои религии, тем не менее, ведущую роль сохранило Православие. Кстати, внутри империи вообще не было разделения по национальностям, только по вероисповеданиям. Быть православным автоматически подразумевало быть русским. А Самодержавие и Православие обеспечивали монолитность и несокрушимость Отечества.

Запад издавна завидовал богатствам России, пугался ее могущества. Между прочим, в течение всего XIX в. она ни разу не напала ни на одно европейское государство. Несмотря на это, зарубежная пропаганда постоянно поднимала тему «русской угрозы», не жалела в адрес нашей страны самых черных красок. Правда, угроза и в самом деле существовала – экономическая. Русские были главными конкурентами мировых лидеров, Англии и Франции, к их враждебной политике примыкала Австрия.

Вредить пытались разными способами. Раз за разом разжигались восстания в Польше. Когда-то Екатерина II потребовала от поляков прекратить гонения на православных. За-

носчивый отказ привел к войнам, и Польша была разделена между Россией, Австрией и Пруссией. Положение поляков, попавших под власть Петербурга, было ничуть не хуже, чем в двух других государствах, у австрийцев они вообще оставались неполноправным «меньшинством». Но Запад выступал за «свободу» только для российских подданных. Мятежники базировались на австрийской территории, щедро подпитывались французским золотом. Повстанцев, которые резали русских, Европа чествовала как героев. А солдат и офицеров, усмирявших их, клеймила «палачами». Причем речь шла об «освобождении» не только польских областей. Нет, под «освобождением» понималось восстановление Польши в «старых границах», с присоединением Литвы, Белоруссии, Украины.

Благодаря западной помощи на несколько десятилетий затянулась жестокая война на Северном Кавказе. Еще одним орудием англичан и французов стала Турция. Иногда она налаживала дружбу с Россией, даже заключала военные союзы, и каждый раз это оказывалось весьма выгодно обеим сторонам. Но европейские державы старательно рушили сближение, натравливали Османскую империю против русских. Но войны оборачивались для турок поражениями, а «дружба» Запада была совсем не бескорыстной. В Турции действовал режим «капитуляций» для британских и французских подданных. Они обладали правом экстерриториальности, не платили налогов и прибирали к рукам экономику. Пользуясь

затруднениями Османской империи, французские «друзья» отхватили у нее Алжир, британские – Египет и Кипр.

Ослабление Турции вызвало национально-освободительное движение подвластных ей христианских народов, и на Балканах завязался серьезнейший узел международных противоречий. Россия не претендовала на здешние земли, но она брала под покровительство православных греков, сербов, болгар, румын. Западные державы реагировали на это крайне болезненно, стремились перетянуть освобождающиеся народы под собственное влияние.

Наконец, в 1853 г., европейские противники рискнули выступить против России открыто. Подстрекнули очередной раз напасть Турцию, и тут же вмешались Англия, Франция, Пьемонт (Северная Италия). Фактически их сторону приняли Австрия, Дания. Строились грандиозные планы – разгромить русских, навязать «возрождение Польши» (с Украиной, Белоруссией, Литвой), отторгнуть Финляндию, Закавказье отдать туркам, на Северном Кавказе создать государство Шамиля... Не вышло. Только Франция похоронила в России 200 тыс. солдат, огромные потери понесли англичане, турки, итальянцы.

Такими жертвами удалось захватить одну лишь южную сторону Севастополя. А на Кавказе русские победили, заняли мощную крепость Карс. Отбили нападения на Балтике, Белом море, Камчатке, в дальневосточном заливе Кастри русская флотилия разгромила вчетверо сильнейшую британ-

скую эскадру. Но Россия очутилась в международной изоляции, ее вынудили признать поражение. Правда, и на расчленение страны больше губы не раскатывали. Навязали куда более скромные требования: запретили держать военный флот на Черном море, протекторат над балканскими христианами передали «под покровительство Европы».

Запад широко использовал против России и тайное оружие, подрывную идеологию. Этому немало способствовало увлечение западничеством, царившее в верхушке русского общества. Аристократия тянулась к европейским модам, нравам, вступала в браки с зарубежной знатью, нанимала иностранных гувернеров для детей, посылала их за границу учиться. Выписывала британские и французские газеты, черпая из них оценки событий, интересовалась теми или иными «прогрессивными» учениями. Возникали масонские ложи, невзирая на то, что они неоднократно запрещались указами государей.

Но все же до поры до времени подобные методы оказывались недостаточно эффективными. Единственное восстание декабристов было легко разогнано. А когда над страной нависала опасность, народ спланивался против внешнего неприятеля. Да и неудачная война отнюдь не стала для нашей страны катастрофой. Она быстро оправилась. Александр II развернул широкие реформы. В 1861 г. были освобождены крепостные крестьяне – чуть позже, чем в Германии и Австрии, но пораньше, чем отмена рабства в США и

британских доминионах. Внедрялось демократическое земское самоуправление. Началось бурное развитие промышленности, строительство железных дорог, реорганизовывалась армия.

После Крымской войны мировую политику пытались определять Англия и Франция. Но они косо поглядывали друг на друга, грызлись между собой. А со временем обстановка менялась. В полосе войн и революций разобщенные итальянские государства сбросили зависимость от Австрии, и возникла Италия. Заявила о себе и Пруссия. «Германский мир» представлял собой несколько десятков королевств, княжеств, вольных городов. Возглавлял их австрийский император из династии Габсбургов – когда-то немецкие государства входили в «Священную Римскую империю». Но верховенство императора осталось чисто формальным, он был лишь председателем на съездах князей, имперских сеймах. Объединению Германии Австрия препятствовала, чтобы совсем не потерять свое первенство. Мешала и Франция, опасаясь усиления соседей.

Положение изменил министр-председатель Пруссии Бисмарк. Он пошел на сближение с Россией. Заключил союз с Италией и при поддержке русских спровоцировал войну с Австрией. Пруссия к ней прекрасно подготовилась, впервые проявил себя немецкий генштаб под руководством Мольтке. Австрию разнесли «блицкригом», всего за две недели. По итогам войны был создан Северо-Германский союз из 22

государств – во главе с Пруссией. Франция в ту пору была очень агрессивной страной. Высокомерно потребовала: она, так и быть, признает приобретения Пруссии, если ей отдадут южно-германские княжества. Бисмарк отказал. В Париже началась военная истерия. Французы рвались поколотить немцев, правительство уже размахало планы, что их «естественная граница» должна пройти по Рейну. Полезли драться. Но Пруссия именно этого добивалась! Вдребезги разгромила Францию. Отобрала Эльзас, часть Лотарингии, где население было смешанным, из немцев и французов. Наложила контрибуцию в 5 млрд. франков. А главное, победа объединила Германию. В пышных декорациях захваченного Версаля прусский король Вильгельм I был провозглашен императором.

Россия оставалась его союзницей. Военной демонстрацией она не позволила Австрии выступить на стороне французов, и Вильгельм слал Александру II благодарственные телеграммы. Русские тоже были в выигрыше, они разорвали Парижский трактат с запретом иметь черноморский флот. Но... сразу после победы начальник генштаба Мольтке, начал разрабатывать план войны против России... Германская империя, родившаяся под грохот пушек, вообще стала слишком воинственной. Теперь она уже нацеливалась на роль европейского лидера. В 1875 г. Бисмарк вздумал окончательно добить Францию. Французы в панике обратились к России. В Петербурге отдавали себе отчет, что нарастание германской

агрессии обернется бедой и для нашей страны, заступились за Францию, и немцы не осмелились напасть. Но вскоре они получили возможность отомстить.

В Османской империи под влиянием англичан и французов начались демократические реформы. Однако они резко ухудшили положения христиан, на них перекладывали повинности, поборы, местные суды не защищали их, и грабежи, убийства, похищения женщин оставались безнаказанными. В 1875 г. восстали Босния, Герцеговина, Болгария. Султан бросил на них карателей, учинил массовую резню. Россия взывала к «оркестру мировых держав», требуя вмешаться, но Англия блокировала ее предложения. Тогда Александр II объявил Турции войну, заранее заверив великие державы, что не будет присоединять балканские области. Османов разбили, дошли до Стамбула, и в его пригороде Сан-Стефано подписали мир. И тут-то против России снова встал объединенный фронт всей Европы! Вооружались Англия, Австрия, к ним примкнули недавно спасенная Франция, Италия, даже союзная Румыния. Но Бисмарк прикинулся, будто поддерживает царя, был созван конгресс в Берлине. А на конгрессе Германия вдруг переметнулась на сторону англичан. Он стал чудовищным дипломатическим поражением русских. На них нажали совместными силами, принудили изменить мирный договор.

Правда, за Россией оставили занятые ею на Кавказе города Карс, Ардаган, Батум. Но для нашей страны был весь-

ма болезненным вопрос о черноморских проливах. Она не стремилась обладать Босфором и Дарданеллами, как нередко изображала западная пропаганда. Ей требовалось всего лишь право свободного прохода через проливы, через них шел экспорт российского зерна. Западные державы этого не допустили. Подтвердили, что султан может закрывать проливы когда захочет. Боснию и Герцеговину вместо автономии номинально оставили в составе Турции, но «временно» отдали под управление Австрии. Румыния, Сербия и Черногория получили независимость, Болгария – автономию, но их территории урезали, границы перекроили. Часть земель вернули туркам.

В выигрыше осталась Германия. Она подорвала позиции России, впервые выступила международным арбитром. Турецкий султан Абдул-Гамид обиделся на англичан. Счел, что они плохо отстаивали его интересы и от войны с русскими уклонились. А немцы выступили «бескорыстными» друзьями, Османская империя стала сближаться с Берлином. Ну а Австрия, хапнув Боснию и Герцеговину, теперь боялась русских. Поэтому приняла предложение Бисмарка заключить союз. В него вовлекли и Италию, в 1882 г. возник Тройственный союз.

3. Кайзер и царь

В 1880-х гг. страны Запада будто с цепи сорвались. Принялись захватывать в Африке и Азии все, что еще не попало под их власть. Англия и Франция чуть не передрались из-за африканских владений. Но Бисмарк успокоил распалившиеся стороны, предложил поделить Африку, «по-цивилизованному». Организовал конференцию в Берлине и все «честно» распределил. Хотя и себя не забыл – Германия урвала ряд африканских стран, часть Новой Гвинеи и островов в Тихом океане. Мнения негров и островитян, разумеется, не спрашивали.

Россия в эти дразги не вмешивалась. Александр III повел чисто национальную политику, занялся внутренним развитием государства. А среди дворян и интеллигенции в противовес западничеству возникло другое течение – панславизм. Русских возмутило, что европейцы постоянно объединяются против них. Приходили к выводу: надо искать других друзей, близких по крови, укреплять славянское братство. Но это было всего лишь утопией. «Братья» враждовали между собой, болгары воевали с сербами. На Балканы всю лезли немцы и австрийцы, возвели на трон Болгарии германского принца Фердинанда Саксен-Кобургского. Балканская интеллигенция тянулась к французам. Местные политики и авантюристы использовали панславистские лозунги только для

того, чтобы получить поддержку России.

А Германия бросила деньги от французской контрибуции на развитие промышленности, объединение страны позволило реализовать собственный потенциал. Немецкое производство вышло на второе место в мире после Англии, а по некоторым направлениям и на первое. Вступив в игру «на новенького», Германия осваивала новейшие, самые перспективные отрасли – электротехническую, химическую. Совершенствовала вооружение и военную технику. А недавние победы кружили головы. Военно-морской министр Каприви уверенно заявлял, что следующей «войной у нас будет война на два фронта – с Россией и Францией».

Впрочем, более трезвые деятели были настроены осторожно. Начальник генштаба Мольтке оценивал силы России, печальный опыт Наполеона и других ее врагов. В 1875 г. он составил второй план войны против русских, а в 1879 г. третий. Полагал, что совместными ударами немцев и австрийцев получится отобрать только Польшу – захватить и удержать в оборонительных боях. По расчетам Мольтке, сражаться пришлось бы 7 лет. Пожалуй, дороговато за Польшу. А Бисмарк был уверен, что воевать с Россией вообще нельзя. Можно интриговать, столкнуть ее с кем-то, но самим – ни в коем случае. Он хорошо знал нашу страну, успел послужить послом в Петербурге и указывал: главная сила России заключается не в территориях и армиях, а в народе. Именно народ и есть Россия. Поэтому сокрушить ее невозможно. Даже ес-

ли добьешься успеха, потом придется жить под угрозой ответного удара.

Бисмарк немало напакостил русским, но не был их врагом. Он был лишь хитрым политиком и любыми способами извлекал выгоду для Германии. Получил за счет России – хорошо. Но в дальнейшей схватке за колонии соперницей немцев должна была стать не Россия, а Англия. Однако Англия являлась и основным врагом русских... Бисмарк четко сориентировался и совершил резкий поворот. Предложил России тайный договор о мире и дружбе. В Петербурге подумали – и согласились. В 1887 г. был заключен «договор перестраховки» на 3 года.

Но союз оказался недолгим. В 1888 г. умер кайзер Вильгельм. Его наследник Фридрих-Вильгельм был тяжело болен и властвовал лишь несколько месяцев. Кайзером стал его сын Вильгельм II. Этому человеку не повезло уже при появлении на свет. При родах ребенку нанесли серьезную травму, у него не работала рука. Он рос с комплексами, вздорным и неуравновешенным. А детские годы прошли в атмосфере военного угара. Его дед и отец громили австрийцев, французов, и маленький инвалид тоже грезил о сражениях.

Корону он получил в возрасте 29 лет и отправился путешествовать. Отличился при европейских дворах скандальным поведением, а в Петербурге познакомился со своим кузеном, наследником престола Николаем Александровичем. Скромный и воспитанный «кузен Никки» в разговорах с эк-

зальтированным «кузеном Вилли» вежливо помалкивал. А кайзеру приятно было чувствовать себя лидером, и он объявил Николая своим другом. Но Александру III очень не понравились планы Вильгельма перекроить мир и постоянная болтовня об этом. Его проекты отвергли, и кайзер обиделся.

Он был вообще обидчивым. Бисмарк пробовал поправлять его в политических вопросах, но кайзер считал такую опеку унижительной. В 1890 г. пришло время продлять «договор перестраховки», и русские готовы были расширить его. Бисмарк был с этим согласен, но Вильгельм обвинил его, что он ведет «слишком русофильскую политику», и отправил в отставку. Канцлером он назначил яркого русофоба Каприви. Первым делом он расторг «договор перестраховки». Сотрудничество между «тевтонами и славянами» Каприви называл «исторически неуместным», заявлял об «удовлетворении народно-психологической потребности в войне с Россией». Союз с Австрией преобразовали из оборонительного в наступательный. Стали заигрывать с враждебной России Англией. Что ж, Петербург отреагировал. В 1893 г. был заключен оборонительный союз с Францией.

Германская активность в это время расплескалась по всем континентам. Немцы купили у китайцев порт Циндао, начали строить там мощную базу. У испанцев приобрели несколько архипелагов. Хотели заодно прихватить Филиппины, но США пригрозили войной. На море они были сильнее и заставили германскую эскадру убраться из Манилы.

Вильгельм поссорился и с англичанами. Разразилась англо-бурская война, и кайзер поддержал буров, намеревался принять их под свой протекторат. Но ему объяснили, что этого делать нельзя – британский флот господствует на море и не позволит перевезти в Южную Африку германские войска.

Отсюда следовал вывод – чтобы вести полноценную колониальную политику, надо иметь мощный флот. Германия приняла одну за другой несколько судостроительных программ. Но к численности флотов очень болезненно относилась Англия. Ее колонии были связана с метрополией только морскими сообщениями, если кто-нибудь сумеет нарушить их, вся Британская империя рухнет. По мере наращивания германских морских сил отношения с англичанами становились все более натянутыми.

А в дополнение к балканскому узлу противоречий завязался еще один, армянский. В Османской империи проживало около 2 млн. армян. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. поднимался вопрос об обеспечении их прав, как и других христиан, султан Абдул-Гамид пообещал провести необходимые реформы, это было закреплено в решениях Берлинского международного конгресса. Но никаких реформ не последовало. Армян продолжали притеснять. Они слали жалобы в Петербург, Париж, Лондон. Кое-где возникли и отряды сопротивления. Султан решил покарать строптивцев, в 1894 г. устроил резню армян в высокогорном Сасуне. Россия, Франция и Англия заявили совместный про-

тест. Абдул-Гамид расшвырял. Иностранцы вмешивались в его внутренние дела! От Османской империи уже отпала западная часть, греки, сербы, болгары, а теперь еще и армяне захотят отделиться с восточной частью?

Султан надумал ликвидировать проблему как таковую – просто истребить армян или так запугать, чтобы пикнуть не смели. Организовал банды «гамидие» из добровольцев и уголовников, к ним подключились полиция и войска, и избиение развернулось по всей стране. Было зверски уничтожено 300 тыс. человек, 100 тыс. бежали за границу. Разразился скандал на весь мир, от беженцев, свидетелей-иностранцев в прессу выплеснулись жуткие подробности. Вступилась русская, британская, американская, французская, итальянская дипломатия, кое-как бойню удалось остановить. Но от решительных мер западные державы уклонились, на Турцию не было наложено никаких санкций.

А Германия вообще не поддержала дипломатических протестов – и оказалась «единственным другом» султана. Абдул-Гамид не преминул ее щедро отблагодарить. Предоставил немецким фирмам различные концессии, привилегии. Во всех странах честили и позорили Османскую империю, однако Вильгельм в 1898 г. отправился туда с визитом. Его пышно приняли в Стамбуле, было подписано соглашение о строительстве Багдадской железной дороги – она должна была протянуться от Берлина и Вены через Балканы, через Малую Азию до Ирака. А в Дамаске кайзер разра-

зился речью, объявив себя... покровителем всех мусульман: «Пусть султан турецкий и 300 миллионов магометан, рассеянных по всему миру, которые поклоняются ему как своему халифу, пусть они будут уверены, что германский император – их друг навсегда». Пояснял, что через эту дружбу возникнет «военная держава, которая может стать угрозой не только для Франции, России и Великобритании, но и для всего мира». А в Петербург было направлено предупреждение: «Если Россия выступит в защиту турецких армян», то и Германия двинет в Турцию войска.

Поддержка «магометан всего мира» требовалась кайзеру по одной простой причине – он задумал войну. Нацелился схлестнуться с Россией и Францией. Для этого пробовал наладить отношения и заключить союз с Англией, но слишком много запрашивал: требовал отдать ему португальские, бельгийские и некоторые британские колонии. Но война все же не началась. Когда взвесили все за и против, стало ясно: даже если англичане будут союзниками или останутся нейтральными, они все равно захватят главные плоды побед. Немцам придется сражаться с русскими, французами, бельгийцами, голландцами, а Британия, владея морями, приберет к рукам колонии, лишившиеся хозяев. Получалось, что затевать драку бессмысленно, пока Германия не построит большой флот. Именно это обстоятельство отсрочило Первую мировую на полтора десятилетия.

А в России умер Александр III, и на престол взошел Ни-

колай II. Он тоже понимал, что приближается большая война, но, в отличие от «кузена Вилли», пытался предотвратить ее. В 1899 г., впервые в истории, он предложил провести всемирную конференцию по сокращению вооружений и мирному урегулированию конфликтов. Однако в ту эпоху «цивилизованные» страны лишь открыли рты от удивления и сочли идею царя полным абсурдом. Николая II подняли на смех, газеты с издевкой писали, что «российское правительство решило сэкономить на своих военных расходах».

Правительства вынуждены были согласиться – на словах-то все были «за мир». Но отнеслись к конференции, созванной в Гааге, как к ненужному фарсу. Вильгельм II говорил своим министрам: «Я согласен с этой тупой идеей, только чтобы царь не выглядел дураком перед Европой. Но на практике в будущем я буду полагаться только на Бога и на свой острый меч! И чихал я на все постановления!». Британское военное министерство выражало те же мысли более деликатно: «Нежелательно соглашаться на какие-либо ограничения по дальнейшему развитию сил разрушения... Нежелательно соглашаться на изменения международного свода законов и обычаев войны». Конференция закончилась ничем.

К концу XIX в. в мировое соперничество включились еще две державы. На Дальнем Востоке усилилась Япония, планировала подмять под себя китайцев и корейцев. Набирали вес и США. Они преодолели разруху и потери после своей гражданской войны, освоили земли до Тихого океана. А масоны,

угнездившиеся при Александре II в русском правительстве, сделали американцам роскошный подарок, за гроши продали Аляску. Традицией политики США был изоляционизм. Согласно доктрине Монро, американцы не допускали европейцев вмешиваться в дела своего континента, но и сами в европейские хитросплетения не лезли, грабили латиноамериканских соседей. Но со временем аппетиты росли, США начали проявлять себя на мировой арене.

В международных отношениях стали сказываться и другие явления. К рубежу XIX–XX вв. сложился «финансовый интернационал». Крупные банкиры в разных странах переплетались родственными узами, деловыми связями. Так, в Австро-Венгрии, Франции, Англии заправляли делами три ветви Ротшильдов. Они были связаны с британскими Мильнерами, германскими Варбургами, российскими Бродскими. Варбурги были в родстве с российскими банкирами Гинзбургами. Представителем Ротшильдов в США стал Морган, он выдвинулся на роль ведущего банкира Америки. Еще один сотрудник Ротшильдов, Яков Шифф, возглавил второй по значению банк США, путем браков его компаньонами стали братья германского банкира Макса Варбурга. Шифф был также связан с Гарриманами, Гульдами, Рокфеллерами, Оппенгеймерами, Гольденбергами, Магнусами, ведущим британским производителем оружия Виккерсом и т. д.

Но банкирские круги через подконтрольную им прес-

су определяли и «общественное мнение» различных государств. Они имели огромное влияние на правительства – ведь победа на выборах определялась финансовыми возможностями сторон. Связи между политическими и деловыми кругами даже не скрывались, и сама политика направлялась в зависимости от интересов американских, британских, французских банков и промышленных корпораций. А кроме родственных и деловых связей, бизнесмены и политики переплетались другими – масонскими. Это обеспечивало поддержку, знакомства, координацию действий. В британских и французских органах власти, армиях, спецслужбах, для человека, не принадлежащего к «вольным каменщикам», с некоторых пор карьера была вообще невозможна. Причем масонские связи, как и родственные, были наднациональными, позволяли взаимодействовать структурам в разных странах, объединять усилия на тех или иных направлениях. Рядовой масон мог быть патриотом, искренне верить, что действует во благо своей родины, но высшие иерархи вели собственную линию, и она далеко не всегда совпадала с государственной. Зато четко соответствовала выгодам финансовых олигархов. Возникла система, которую русский философ И. А. Ильин впоследствии назвал «мировой закулисой».

Ну а в России в это же время наконец-то стали приносить плоды многолетние усилия по ее заражению подрывными учениями. Пока они распространялись только среди дворян и интеллигенции, опасность была не столь велика.

Кружки террористов и агитаторов ликвидировались полицией, охранным отделением. А простонародье революционерам ничуть не симпатизировало. Но либералы сумели внедрить в России западную систему образования. Профессора, нахватавшиеся за границей знаний вперемешку с идеями «свобод», воспитывали студентов. Студенты становились учителями, сеяли среди рабочих и крестьянских детишек семена безбожия, вольнодумства. И детишки подрастали...

4. Антанта

В 1900 г. все западные державы вдруг ринулись наперебой дружить с Россией. В Китае вспыхнуло восстание ихэтуаней. Мятежники видели все беды своей страны в засилье иноземцев, убивали европейцев, продавшихся им соотечественников. На их сторону перешла китайская армия. Они захватили Пекин, осадили квартал иностранных миссий. Для подавления формировали экспедиционный корпус из немцев, англичан, японцев, французов, итальянцев. Пригласили и русских. Царь согласился – китайцы погромили поселки русских железнодорожников, банды хунхузов нападали на российскую территорию. Наши войска нанесли стремительный удар, еще до прибытия контингентов из Европы разбили китайцев, освободили осажденные посольства.

Но... дружба тут же и кончилась. Два десятилетия мирного развития сделали Россию самой сильной конкуренткой западных держав. Теперь ее успехи напугали «друзей». Русские упрочили свои позиции в Китае. Вдобавок, завершалось строительство Транссибирской магистрали. Оно сулило нашей стране новый подъем, освоение природных богатств Сибири, открывало быстрый и удобный путь на Дальний Восток. Встревожились англичане, считавшие себя хозяевами в Китае. Озаботились банковские и промышленные круги США – Россия становилась для них опасной соперницей.

Озаботились и японцы.

У британской дипломатии была старая непререкаемая традиция: она никогда и ни с кем не брала на себя конкретных обязательств, сохраняла свободу рук. В 1902 г. Англия впервые нарушила традицию, заключила антироссийский союз с Японией. Их сторону приняли США. Под руководством американского банкира Шиффа, Моргана, Рокфеллеров, были собраны средства на военные займы для японцев. В феврале 1904 г. они вероломно напали на русских. И снова наша страна очутилась в международной изоляции! К ее врагам примкнула Турция. Закрыла проливы, и мощный Черноморский флот оказался запертым. Абдул-Гамид начал сосредотачивать войска на границе, натравливать на русских племена Северного Ирана – царю пришлось ввести туда воинские части. Англичане провели переговоры с Францией, полюбовно решили спорные вопросы о сферах влияния в Африке и Индокитае, и было заключено соглашение, Антанта (от французского «антант кордиаль» – «сердечное согласие»). Но оно было направлено против России. Формально Франция объявила нейтралитет, однако запретила русским кораблям заходить в свои порты, пресса и парламент поливали нашу страну грязью.

Единственным «другом» вроде бы выступила Германия. Продавала снабжение, предоставляла базы. Вильгельм во всех вопросах демонстративно поддерживал царя. Но поддержка оказалась далеко не бескорыстной. За это России на-

вязали кабальный торговый договор на 10 лет. Немцы получили возможность чуть ли не беспошлинно ввозить свои товары, получили массу других привилегий. Вильгельм был не против и углубить альянс – подразумевая, что лидировать в нем будет Германия. «Кузена Никки» он считал недалеким человеком, которого можно подчинить своему влиянию. В Бьерке, в финских шхерах, состоялась встреча, и кайзер предложил царю заключить союз для «поддержания мира в Европе». Тогда, мол, Англия не сможет мутить воду, а Франции придется присоединиться к союзу. Николай II согласился с рядом оговорок – что договор будет более широким и направленным именно на «поддержание мира».

Но как только государи вернулись в свои столицы, обе стороны отвергли договор. Большинство германских политиков и военных полагало, что воевать надо в другом союзе – с англичанами против русских. А российский МИД пришел к выводу, что ни о каком «поддержании мира» речи не идет, договор означает войну с Францией. Впрочем, Германия двурушничала. Она желала лишь ослабления России. Предлагала дружбу, но в это же время немецкие консульства и торговые представительства на Дальнем Востоке поставляли японцам разведывательную информацию. А начальник генштаба Шлиффен в 1905 г. разработал окончательный план войны – последовательно сокрушить Францию и Россию.

Тем временем пал Порт-Артур, под Цусимой погибла

эскадра Рождественского, Куропаткину в Маньчжурии пришлось отступать. Но Россия отнюдь не проиграла войну. На полях сражений погибли 37 тыс. наших воинов – Япония потеряла в 5–6 раз больше. Ее вооруженные силы были обескровлены. А русские, изматывая врага в оборонительных боях, перебросили на Дальний Восток свежие армии и готовились нанести неприятелю смертельный удар. Нет, этого западные державы не допустили. Они взорвали тыл России.

Диверсия готовилась заранее. Накануне войны, в январе 1904 г., русские либералы (в значительной доле масоны) провели за границей совещания, сформировали зародыши будущих партий, октябристов и кадетов. Началась информационная война, провоцировались волнения. Революция подпитывалась британскими и американскими банкирами. При поддержке германских и австрийских спецслужб через границу поехали десанты агитаторов и боевиков, пошли транспорты с оружием. Беспорядки парализовали города, пути сообщения. В итоге русским пришлось признать поражение. Но и японцы, спасенные революцией от катастрофы, удовлетворились самыми скромными уступками – получили спорный Ляодунский полуостров, право утвердиться в Корее, из российских территорий приобрели лишь Южный Сахалин...

Но бедствие внутри России углублялось. Влиятельные лица, связанные с «мировой закулисой», были уже и в правительстве, рядом с царем. Премьер-министр Витте подтолкнул Николая Александровича издать Манифест от 17 октяб-

ря 1905 г., ввести в стране демократические свободы, учредить парламент – Государственную Думу, объявить политическую амнистию. Никакого успокоения это не принесло. Наоборот, открылась легальная дорога для атаки на власть, забурлили восстания.

А французские и английские банки отзывали из России свои капиталы, обвалили российские ценные бумаги. Политический кризис дополнился финансовым. Страна очутилась на грани банкротства. Срочно требовались зарубежные займы, а их не давали. Вся западная пресса подняла возмущенный хай по поводу подавления мятежей, казней террористов. Отметим, за годы революции было казнено 1100 человек, в 10 раз меньше, чем погибло от рук террористов (и в 20 раз меньше, чем расстреляли французы при усмирении Парижской Коммуны). Но кого интересовали подобные «мелочи»? В Англии царя величали «обыкновенным убийцей», а Россию провозглашали «страной кнута, погромов и казненных революционеров».

Но увлекшиеся западные державы совсем забыли про Германию. А она сочла, что Россия выбыла из строя – значит, можно действовать. Кайзер, совершая круиз по Средиземному морю, сошел на берег в Марокко, французской полукolonии, и сделал ряд громких заявлений. Указал, что готов всеми силами поддержать суверенитет Марокко, потребовал для Германии таких же прав в этой стране, какие имеют французы. Вот тут-то в Париже перепугались. Поняли,

что дело не в Марокко, что Вильгельм ищет повод для ссоры. А германский генштаб настаивал, что даже и повода не надо – лучше просто шарахнуть по французам. Призадумались и в Англии. После гибели в Порт-Артуре и под Цусимой двух русских эскадр главной соперницей британцев на морях становилась Германия. Если она раскатает Францию, то будет полной хозяйкой в континентальной Европе. Попробуй тогда с ней сладить! Европейское господство немцев ничуть не устраивало и американских олигархов. В общем, получалось, что Россия еще нужна.

Финансовые потоки из-за рубежа, питавшие революцию, резко пресеклись. Франция быстренько изменила отношение к русским, ее правительство заключило со своими банкирами и парламентариями особое соглашение: «Считать мирное развитие мощи России главным залогом нашей национальной независимости». Царю немедленно выделили необходимые кредиты. Англия тоже заявила о готовности поддержать Францию, и Вильгельму пришлось пойти на попятную. Британская «общественность» все еще продолжала вопить, что «руки царя обагрены кровью тысяч лучших его подданных», но правительство Англии принялось налаживать связи с русскими, заключило конвенцию о разграничении сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете. В 1908 г. король Эдуард VII прибыл на яхте в Ревель (Таллин), встретился с Николаем Александровичем и красноречиво возвел его в звание британского адмирала. За визитом Эдуарда по-

следовал визит Николая II в Лондон...

Так к союзу Англии и Франции примкнули русские. Впрочем, Антанта и Тройственный союз не были монолитными военно-политическими блоками. Соглашения между государствами, входившими в обе коалиции, содержали массу оговорок, позволявших при желании отказаться от них. Союз России и Франции даже не был ратифицирован французским парламентом. Англия, по своему обыкновению, опять не взяла на себя никаких обязательств, обещала разве что «учитывать интересы» партнеров. А для царя гораздо важнее была его старая идея мирного урегулирования. К ней снова вернулись. В 1906 г. в Женеве была принята международная конвенция об обращении с ранеными, больными и пленными. В 1907 г. в Гааге состоялась вторая конференция по проблемам мира и разоружения. Но принципы международного арбитража отвергла Германия. А сокращение вооружений заблокировала Англия – объяснила, что это подорвет экономику и вызовет массовую безработицу. Конференция только выработала нормы ведения войны и создала международный Гаагский суд для решения спорных вопросов.

5. Тучи сгущаются

За влияние на балканские страны не утихала борьба. В Сербии князь Обренович вступил в альянс с Австрией, однако в 1903 г. радикальные офицеры убили его вместе со всей семьей и возвели на престол Петра Карагеоргиевича. Он взялся укреплять дружбу с русскими, но был прочно связан и с Францией, в Сербию стали внедряться французские банки и предприниматели.

Неспокойно было и в Османской империи. Здесь существовала либеральная партия «Иттихад» («Единение и прогресс»). Ее организовали купцы и финансисты из Салоник, выходцы с российского Кавказа, офицеры и интеллигенция с европейским образованием. Руководители партии входили в масонскую ложу «Молодая Турция», поэтому их еще называли младотурками. Провозглашалась необходимость конституции, парламентаризма по западному образцу. В Турции партия была запрещена, но за рубежом она нашла союзников в лице запрещенных армянских партий «Гнчак» и «Дашнакцутюн». Дашнаки-социалисты, участвовали в русской революции, после ее подавления спасались в эмиграции, среди них хватало опытных боевиков. А их лидеры тоже были «вольными каменщиками», и младотурки нашли с ними общий язык. Провели в Париже конгресс, договорились о совместных действиях. В 1908 г. иттихадисты и армяне подня-

ли восстание.

Абдул-Гамида свергли. Marionеточным султаном провозгласили старика Мехмеда Решада V. А реальную власть захватил триумвират младотурок – Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша. Но союзников они обманули. Об обещанном равенстве народов больше не вспоминали. Их реформы утверждали права только для турок, а остальные нации было решено поставить «на место». В 1909 г. в Ада-не младотурки полностью повторили методы Абдул-Гамида, напустили солдат и вооруженные банды на армян, перебили 30 тыс. человек. Жестоко усмирялись мятежи и волнения албанцев, македонцев, арабов, курдов.

Турецкая революция нарушила хрупкое равновесие на Балканах. Воспользовалась этим Австрия. Она объявила о присоединении Боснии и Герцеговины, которые были оккупированы австрийцами в 1878 г., но юридически все еще считались турецкими. Россия еще не оправилась от потрясений, не могла противодействовать этому. Но и Сербия не забыла о своих претензиях на Боснию и Герцеговину, объявила мобилизацию. Австрийцы стали сосредотачивать войска против сербов. А Вильгельм вдруг предъявил царю ультиматум. Требовал безоговорочно выразить согласие на действия Вены, да еще и надавить на Сербию – иначе угрожал выступить «во всеоружии». В общем, стало ясно, чего на самом деле стоит дружба «кузена Вилли». На Россию просто цыкнули, как на второсортное мелкое княжество.

В 1910 г. Николай II попытался наладить взаимопонимание с немцами. Встретился с Вильгельмом в Потсдаме и предложил договориться о взаимных уступках. Россия обещала не участвовать в английских интригах против Германии, принимала на себя обязательства ненападения, признавала немецкие интересы в Турции. А взамен просила не поддерживать австрийцев на Балканах и признать Северный Иран сферой влияния русских. При этом стороны должны были обязаться не участвовать во враждебных друг другу союзах. Кайзер, вроде бы, одобрил предложения. Но когда стали вырабатывать письменное соглашение, немцы убрали из него все конкретные пункты, в том числе неучастие во враждебных союзах. И поддержку австрийцев не прекратили.

Последние попытки избежать войны предпринимала и Англия. Для нее вопрос упирался в наращивание морских сил – а Германия останавливаться не собиралась, строила все новые линкоры, крейсера. Британцы пробовали договориться об ограничении флотов, но немцы в феврале 1912 г. предъявили им условие: «Наше политическое требование таково, что Британия не должна принимать участия в войне между Францией и Германией, независимо от того, кто начнет ее. Если мы не получим гарантий, тогда мы должны продолжать наше вооружение». Конечно, пойти на такое Англия не могла, переговоры сорвались.

Немцы, закусив удила, рвались к войне и даже не делали из этого тайны. В 1910 г. Берлин посетил бельгийский ко-

роль Альберт и был просто шокирован. На балу Вильгельм представил ему генерала Клюка, пояснив, что это тот самый военачальник, который «должен будет возглавить марш на Париж». А начальник генштаба Мольтке (младший), не стесняясь, говорил Альберту, что «война с Францией приближается», так как она «провоцирует и раздражает» немцев.

В 1911 г. разразился второй кризис вокруг Марокко. Французы под предлогом наведения порядка окончательно захватили эту страну, и Вильгельм снова начал бряцать оружием. Но и Франция, восстановив дружбу с русскими, чувствовала себя уверенно, по ней разлились воинственные манифестации, звучали требования всыпать немцам, вернуть Эльзас и Лотарингию. Кое-как усилиями России и Англии удалось примирить стороны. Но германские военные были очень недовольны, что «пропал» такой хороший предлог к войне. Мольтке писал австрийскому начальнику генштаба фон Конраду: «Остается подать в отставку, распустить армию, отдать всех нас под защиту Японии, после чего мы сможем спокойно делать деньги и превращаться в идиотов».

Не успело успокоиться в одном месте, как запылало в другом. Османская империя после гражданской войны пребывала в плачевном состоянии, и Италия позарилась на ее африканские владения, полезла захватывать Триполитанию (Ливию). Итальянцы сражались плохо, турки с арабами побили бы их, но младотурецкое правительство запросило о мире, поспешило отдать Триполитанию – потому что над

османами нависла куда более серьезная опасность. Против них сколачивалась Балканская лига из Сербии, Черногории, Болгарии и Греции. Россия хотела предотвратить столкновение, ее МИД направил в Белград ноту: «Категорически предупреждаем Сербию, чтобы она отнюдь не рассчитывала увлечь нас за собой...». Куда там! Балканские страны сочли, что они и сами справятся.

И действительно, в октябре 1912 г. начали войну, а уже в ноябре разгромленная Турция взывала к великим державам о помощи и посредничестве. Но тут же объявила мобилизацию Австрия, подняла армию Италия. Россия при поддержке англичан все же добилась созыва международной конференции. Она открылась в Лондоне и превратилась в дипломатическую баталию. Сербия и Черногория претендовали на часть Албании и порты на Адриатике. Австрия и Италия, за которыми стояла Германия, указывали, что это будет означать войну. Президент Франции Пуанкаре подзуживал Николая II поддержать сербов, парижская биржа предлагала ему большой заем на случай войны. Но царь, к великому разочарованию французов, на это не поддался. Он считал главным сохранить мир. Сербия и Черногория были вынуждены отказаться от своих требований. Албанию признали автономной.

Но быть или не быть войне, решалось не в Лондоне, не в Петербурге, а в Берлине. Австрия не соглашалась на предложенные компромиссы, и Вильгельм поощрял ее. 8 декабря он

созвал военное руководство. Тема совещания была сформулирована предельно откровенно: «Наилучшее время и метод развертывания войны». По мнению кайзера, начинать надо было немедленно. Австрия должна предъявить Сербии такие требования, чтобы Россия уже не могла не вступить, а Германия обрушится на Францию. Мольке соглашался, что «большая война неизбежна, и чем раньше она начнется, тем лучше». Но указывал, что надо сперва провести пропагандистскую подготовку, возбудить народ против русских. Лишь гросс-адмирал Тирпиц возразил, что моряки еще не готовы: «Военно-морской флот был бы заинтересован в том, чтобы передвинуть начало крупномасштабных военных действий на полтора года». В конце концов, с его мнением согласились. А полтора года – это получалось *лето 1914-го*.

Что ж, если надо подождать, германский МИД обратился к Вене уже в другом тоне, надавил на нее, и австрийское правительство сразу стало сговорчивым, приняло решения конференции. Но только-только договорились великие державы, как опять подрались малые. Поскольку Сербия и Черногория лишились значительной части завоеваний, они потребовали переделить приобретения Болгарии. Та отказалась, и на нее обрушились вчерашние союзники. К Сербии и Черногории примкнули Греция, Румыния и даже Турция. Наступление на Болгарию развернулось со всех сторон, она за месяц была разбита и капитулировала. Уступила не только завоеванные земли, но и некоторые собственные.

Ну а туркам война показала, насколько слаба их армия. Страна понесла колоссальные убытки, казна была пуста. Правительство иттихадистов безоглядно ринулось под покровительство Германии. О, немецкие банки всегда были готовы помочь, за это они получили немалые привилегии. Для реорганизации османских вооруженных сил кайзер послал миссию фон Сандерса из 42 генералов и офицеров. Каждый из них получил турецкий чин на ступень выше германского, а Сандерс стал фельдмаршалом и командующим войсками в Стамбуле.

Россия выразила резкий протест. Она напомнила и о продолжающихся притеснениях армян в Турции, потребовала реформ для них. Но на этот раз Англия и Франция ее не поддержали. Они не теряли надежды восстановить в «демократической» Турции собственное влияние и не желали с ней ссориться. А иттихадисты этим пользовались, выражали готовность сотрудничать. Для помощи в реорганизации флота пригласили британскую миссию, для реорганизации полиции – французскую. Армянский вопрос спустили на очередную пустословную конференцию, а скандал вокруг фон Сандерса замяли всего лишь сменой «вывески» – его переименовали из командующего в инспектора при турецком командующем.

6. Россия перед схваткой

Предвоенная Россия была одной из самых передовых и развитых держав той эпохи. Бурный экономический подъем, начавшийся после реформ Александра II, продолжался и в XX в. За 50 лет объем промышленного производства вырос в 10–12 раз (за 13 предвоенных лет – втрое), а по некоторым показателям прирост получился просто баснословным. Химическое производство возросло в 48 раз, добыча угля – в 700 раз, нефти – в 1500 раз. Огромная страна покрылась сетью железных дорог, были освоены угольные месторождения Донбасса, нефтепромыслы Баку и Грозного. Россия создала крупнейшую и лучшую в мире нефтеперерабатывающую промышленность. 94 % нефти перерабатывалось внутри страны, продукция славилась своим качеством и дешевизной.

Быстро развивалось машиностроение. 63 % оборудования средств производства изготовлялись на отечественных предприятиях. Были построены такие гиганты, как Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский заводы, сформировались крупнейшие текстильные центры в Подмосковье, Иваново, Лодзи и т. п. Текстильная продукция полностью обеспечивала саму Россию, широко шла на экспорт.

Но и сельское хозяйство, пищевая промышленность, ничуть не уступали. В нашей стране насчитывалось 21 млн. ло-

шадей (всего в мире – 75 млн.). 60 % крестьянских хозяйств имели по 3 и более лошади. От продажи за рубеж одного лишь сливочного масла Россия получала столько же прибыли, сколько от продажи золота. На мировом рынке продовольствия она являлась абсолютным лидером. Занимала первое место в мире по производству и экспорту зерна, по выпуску сахара. Половина продуктов, продававшихся в Европе, производилась в России. Между 1890 и 1914 гг. объем внешней торговли утроился.

В развитии российской экономики участвовал и иностранный капитал. Но объем зарубежных вложений в отечественную промышленность составлял 9–14 %, примерно столько же, сколько в западных странах. Это было нормальным явлением, привлекать иностранные инвестиции. Внешний долг России к 1914 г. (8 млрд. франков – 2,996 млрд. руб.) был вдвое меньше, чем внешний долг США. В отношениях с зарубежными партнерами исключением являлся лишь договор с Германией, навязанный в японскую войну. Немцы с лихвой пользовались полученными односторонними выгодами. Их товары составляли половину импорта в Россию, подавляли аналогичные отечественные отрасли. Русским приходилось покупать даже совершенно не нужное им прусское зерно. Причем оно выращивалось руками русских – немцы каждый год нанимали в западных губерниях десятки тысяч сезонников. Германский капитал захватил под контроль половину российских торговых фирм, часть

банков, судостроительных и судоходных компаний, две трети электротехнических предприятий. Но в 1914 г. срок договора истек, и продлить его Петербург отказался. Берлин поставили в равные условия с другими государствами.

По темпам роста промышленной продукции и роста производительности труда Россия в начале XX в. вышла на первое место в мире, опередив США – которые также пережили период бурного подъема. По объему производства наша страна занимала четвертое, а по доходам на душу населения пятое место в мире. Впрочем, эти цифры определялись зарубежными исследователями и являются весьма некорректными. Потому что в системы экономики западных держав были включены и их колонии (или, у США, сырьевые придатки). За счет этого обрабатывающая промышленность метрополий получала высокие валовые показатели. Но «души населения» колоний и придатков в расчет не принимались. И если бы, допустим, к жителям Англии добавить население Индии, Бирмы, Египта, Судана и т. д., то реальная цифра «доходов на душу» оказалась бы куда ниже российской.

Средняя заработная плата рабочих в России была самой высокой в Европе и второй по величине в мире (после США). В 1912 г. (раньше, чем в США и ряде европейских стран), Россия приняла закон о социальном страховании рабочих. Реформы Столыпина улучшили положение крестьян. Из районов, где не хватало земли, началось широкое переселение на просторы Сибири, Казахстана, Дальнего Востока –

землю там получили 3 млн. человек.

Население России достигло 160 млн. человек и быстро росло. Рождаемость была очень высокой – 45,5 детей на 1000 жителей в год. И не за счет инородцев, а за счет русских. Иметь 5, 6, 8 детей в крестьянских семьях было обычным делом. По подсчетам Менделеева, во второй половине XX в. численность жителей России должна была перевалить за 600 млн. 30 % детей получали среднее образование – заканчивали гимназии, реальные училища, земские школы. Практически все деревенские мальчики и девочки ходили в церковно-приходские школы, обучаясь там не только закону Божию, но и чтению, письму. А в 1912 г. был принят закон о всеобщем начальном образовании. К началу XX в. достигли высочайшего расцвета русская наука и культура.

Царский манифест от 17 октября 1905 г. и реформы 1907 г. превратили Россию в конституционную монархию. Граждане обладали теми же демократическими свободами, как в западных государствах (только сравнивать надо не с нынешним Западом, а с Западом начала XX в. В то время ни в Англии, ни в США, ни во Франции не было всеобщего избирательного права, оно везде ограничивалось социальными, имущественными, половыми, национальными и т. п. барьерами). В Думе были представлены даже большевики и эсеры, имелись национальные фракции. Запрещалась только экстремистская и террористическая деятельность.

Государственное устройство России имело свою специфи-

ку. Во главе страны стоял царь. Он назначал правительство, имел право распустить Думу. Но именно это обеспечивало стабильность и порядок, сдерживало хищничество и коррупцию – царь был выше интересов тех или иных партий, политических и финансовых группировок, он выражал интересы России и ее народа в целом. А аппарат управления был одним из самых дешевых и эффективных в мире. На всю страну насчитывалось лишь 250 тыс. чиновников. Они прекрасно справлялись, потому что были квалифицированными профессионалами, а не выборными случайными лицами.

Но нарастали и внутренние конфликты. Набирали вес крупные промышленники, банкиры. У них возникало желание дорваться до реальной власти – такой же, какую имели их западные коллеги. Самим определять политику, избавиться от контроля и тормозов, мешавших грести дополнительные прибыли. Наоборот, перестроить государство так, чтобы служило их выгодам. Эти воротилы и их ставленники как раз и заседали в Думе, составляли костяк либеральных партий. Поэтому Дума всегда была оппозиционной царю, добивалась неких еще больших «свобод», а поддержку искала за рубежом. Оппозиционные настроения царили и среди интеллигенции. Она по-прежнему была увлечена западничеством, особенно полюбила дружественную Францию, восхищалась ее культурой. Но заодно набиралась западных идей. Все чужое, иноземное, начинали приравнивать к «прогрессивному», а исконное, национальное – к «реакционному».

Еще одной спецификой России был «еврейский вопрос». Точнее, либеральная и западная пропаганда раздула его искусственно. Еще Иван Грозный запретил проживание иудеев в нашей стране. Последующие государи присоединили к России Украину, Белоруссию, Прибалтику, Польшу, где проживало много евреев. Им сохранили права поддерживать свои обычаи, исповедовать свою веру. Но и исконным российским землям сохраняли их прежние права, в том числе право жить без евреев. Так появилась «черта оседлости», восточнее ее постоянное проживание иудеев не разрешалось. За века это ограничение размылось и фактически не действовало. Существовало множество способов обойти его – принять фиктивное крещение, поселиться как бы «временно», закон не распространялся на целый ряд профессий, на учащихся, лиц с высшим образованием, а его получали дети всех состоятельных евреев. Их было много и в банковской, и в промышленной верхушке, в Думе они имели свою национальную группу.

Но формально «черта оседлости» существовала, и на этом играли враги России, поднимали шум о «притеснениях». Устраивались целенаправленные провокации. В революцию 1905–1907 гг. много евреев было среди боевиков. А если их ловили и вешали, катились волны обвинений в «антисемитизме» царя. Провокацией стало и дело Бейлиса, иудейского сектанта, арестованного в 1911 г. по обвинению в ритуальном убийстве православного мальчика. В защиту Бейли-

са поднялась вся «прогрессивная общественность» России, и его оправдали.

Войны Россия не желала. Дальнейшее мирное развитие сулило ей куда более широкие перспективы, чем самые блистательные победы. К возможности войны с немцами до 1910–1911 гг. царское правительство относилось крайне отрицательно и даже не рассматривало всерьез такой вариант, а Дума весьма неохотно и скупо отпускала средства на вооружения. Лишь после постоянных кризисов стало ясно, что никакие уступки не помогают, и угроза нарастает. А значит, нельзя оказаться неготовыми. В 1912 г. была принята судостроительная программа, хотя и гораздо более скромная, чем у немцев – так, на Балтике предполагалось иметь 4 дредноута и 4 линейных крейсера. Для обороны этого было достаточно, а нападать русские не собирались. А в марте 1914 г. Дума приняла большую военную программу. Предусматривалось увеличить армию, модернизировать вооружение. Завершение обеих программ намечалось к 1917 г.

7. Русские противники

Облик и дух Германии в начале XX в. определялись тремя составляющими – идеологией пангерманизма, культом кайзера и культом армии. Пангерманизм стал «логическим» завершением западных колониальных теорий. Все признавали превосходство «белых людей» над «дикарями». А кто должен занимать первое место среди «белых людей»? Германская нация смогла легко одолеть всех противников, в короткий срок добиться блестящих успехов в экономике – значит, она превосходит остальных. Она самая умная, самая деловая, самая развитая, и ей по праву должно принадлежать господство в мире.

Строились планы «Великой Германии» или «Срединной Европы», в которую должны были войти Австро-Венгрия, Балканы, Малая Азия, Прибалтика, Скандинавия, Бельгия, Голландия, часть Франции. Все это соединялось с колониями, которые предстояло отобрать у англичан, французов, бельгийцев, португальцев. Предусматривалось создание обширных владений в Китае, распространение влияния на Южную Америку.

Одна за другой выходили книги идеологов пангерманизма: профессора Г. Дельбрюка – «Наследство Бисмарка», П. Рорбаха – «Немецкая идея в мире», «Война и германская политика», Т. фон Бернгарди – «Германия и следующая вой-

на». А надо отметить, что в кайзеровской милитаризованной Германии подобного рода пропаганда могла быть *только* официальной. И авторы были официальными лицами, Рорбах и Бернгарди – действующими генералами.

Книга Бернгарди, начальника военно-исторического отдела генштаба, вышла в 1911 г. и стала бестселлером, переиздавалась огромными тиражами. Он писал: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно закона борьбы за существование. Нации должны прогрессировать или загнивать. Германия... стоит во главе всего культурного прогресса», но «зажата в узких, неестественных границах». Откуда следовало – надо не избегать войны, а стремиться к ней. «Мы должны сражаться за то, чего мы сейчас хотим достигнуть», «завоевание, таким образом, становится законом необходимости».

Бернгарди указывал и на то, с кем предстоит сражаться: «С Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, которая уничтожила бы навсегда роль Франции как великой державы и привела бы ее к окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом». «Нынешние русские балтийские провинции были прежде процветающими очагами германской культуры. Германские элементы в Австрии, нашей союзнице, находятся под жесткой угро-

зой славян... Только слабые меры предпринимаются, чтобы остановить этот поток славянства. Но остановить его требуют не только обязательства перед нашими предками, но и интересы нашего самосохранения, интересы европейской цивилизации». Автор призывал не ограничивать «германскую свободу действий предрассудками международного права». «На нас лежит обязанность, действуя наступательно, нанести первый удар».

Другой идеолог пангерманизма, Гибихенфельд, утверждал: «Без войны не может существовать общественная закономерность и какое-либо сильное государство». Руководитель «Пангерманского союза» генерал-лейтенант фон Врохем провозглашал: «Нации, которая быстрее развивается и мчится вперед, подобно нации немцев, нужны новые территории, и если их невозможно приобрести мирным путем, остается один лишь выход – война». По всей стране действовали соответствующие «общественные» организации – «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны».

По указаниям кайзера и министра образования создавались студенческие, юношеские, детские военизированные организации – движение «Вандерфогель», «Югендвер», «Юнгдойчланд бунд». Эти общества в своих изданиях внушали детям: «Война прекрасна... Мы должны встречать ее мужественно, это прекрасно и замечательно, жить среди ге-

роев в церковных военных хрониках, чем умереть на пустой постели неизвестным». В германских магазинах пользовались большим спросом фотографии кронпринца с его изречением: «Только полагаясь на меч, мы можем добиться места под солнцем. Места, принадлежащего нам по праву, но добровольно нам не уступленного». Повторялось высказывание Мольтке: «Вечный мир – некрасивая мечта». Провозглашалось, что на немцах лежит «историческая миссия обновления дряхлой Европы» и утверждалось «превосходство высшей расы».

Да-да, еще тогда. Франция объявлялась «умирающей», а славяне – «этническим материалом». Мольтке (действующий начальник генштаба!) писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более ввести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством. Под правлением кнута Европа обратилась бы вспять, в состояние духовного варварства. Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий». «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами». «Мы долж-

ны отбросить все банальности об ответственности агрессора. Только успех оправдывает войну».

Нетрудно увидеть, что славянофобия и русофобия были важнейшими элементами пангерманизма. Сам кайзер заявлял: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Но я не могу не ненавидеть их». В 1912 г. он писал: «Глава вторая Великого переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания *расы*». Пангерманист В. Хен утверждал, что «русские – это китайцы Запада», их души пропитал «вековой деспотизм», у них «нет ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся... Они не в состоянии сложить дважды два... ни один русский не может даже стать паровозным машинистом... Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы. У них нет традиций, корней, культуры, на которую они могли бы опереться. Все, что у них есть, ввезено из-за границы». Поэтому «без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов».

Была популярна идея Бернгарди, как надо поступать с этим «этническим материалом»: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов». А Рорбах в книге «Война и политика» рассуждал: «Русское колоссаль-

ное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности, ибо русская политика в течение продолжительного времени служит угрозой миру и существованию двух центральных европейских держав, Германии и Австро-Венгрии».

Миролюбие царя на Вильгельма и его присных не действовало. Наоборот, готовность идти на уступки воспринималась как доказательства слабости и «трусости», Германия все больше нагнала. Конечно, не все немцы были пангерманистами. В стране были очень сильны и позиции социалистов, они занимали третью часть мест в парламенте. Но ведь и Маркс с Энгельсом были яркими русофобами, главным препятствием для победы социализма в Европе считали «реакционную» Россию и учили, что любая война против нее заслуживает безусловной поддержки. Их последователи, лидеры германской социал-демократии А. Бебель, В. Либкнехт тоже выступали за то, чтобы «встать на защиту европейской цивилизации от ее разложения примитивной Россией», «опередившей всех в терроре и варварстве».

Стремление к войне в Германии стало в полном смысле слова общенародным. Эти настроения как нельзя лучше соответствовали натуре кайзера с его комплексами, жаждой славы, склонностью к эффектам. Юридически он был конституционным монархом, но фактически ему не смел перечить никто. В парламенте правые и левые могли как угод-

но ругаться между собой, но стоило высказать мнение кайзеру, и вопрос решался почти единогласно. Вильгельм заявлял: «Немецкую политику делаю я сам, и моя страна должна следовать за мной, куда бы я ни шел». Он имел чрезвычайно высокое мнение о своих способностях, был крайне тщеславным. Генерал Вальдерзее писал: «Он буквально гонится за овациями, и ничто не доставляет ему такого удовольствия, как «ура» ревущей толпы».

Культ кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Он красовался на портретах не только в общественных местах, но и в каждой «приличной» немецкой семье, изображался в статуях, о нем слагались стихи и песни. Художники, поэты, музыканты соревновались в самой низкопробной лести. Известный ученый Дейсен провозглашал, что «кайзер поведет нас от Гете к Гомеру и Софоклу, от Канта к Платону». Историк Лампрехт утверждал, что Вильгельм – это «глубокая и самобытная индивидуальность с могучей волей и решающим влиянием, перед которым... раскрывается все обилие ощущений и переживаний художника». А выдающийся физик Слаби выводил доказательства, что не было случая, когда бы кайзер ошибся.

Кстати, Вильгельм с выводами Слаби согласился, глубоко-мысленно резюмировал: «Да, это правда, моим подданным вообще следовало бы попросту делать то, что я им говорю; но они желают думать самостоятельно, и от этого происходят все затруднения». Перед войной вышла книга «Кайзер

и молодежь. Значение речей кайзера для немецкого юношества», где в предисловии указывалось, что Вильгельм – «источник нашей мудрости, имеющий облагораживающее влияние». Стоп... а вам, случайно, не кажется, что все это напоминает другого лидера Германии? Того самого, который свергнет ее в следующую мировую войну? Да, напоминает. Но совпадения совсем не случайны. Ведь нацизм впоследствии рождался на базе пангерманизма, перенял основные его положения. А Гитлер достиг чрезвычайной популярности именно тем, что повторял приемы кайзера, но более умело и целенаправленно.

Неизменным оставался и культ армии. Военные обладали в Германии высочайшим статусом. Сталелитейные магнаты, фирмы Тиссена, Круппа, Сименса вкладывали огромные средства в пропаганду вооруженных сил. Школьники, и студенты оценивали сами себя главным образом с точки зрения способности стать военными. В дела армии не позволялось вмешиваться никому, ее представители были неподсудны для гражданских властей. Все ключевые решения принимал сам Вильгельм, и начальник генштаба имел к нему доступ в любой час дня и ночи. Но и армию кайзер воспитывал по-своему.

Еще во франко-прусской войне немцы отличились чрезмерной жестокостью. Жгли мирные деревни, казнили заложников. Эти качества культивировались и дальше. В речи перед новобранцами Вильгельм поучал: «Может случиться

так, что я отдам вам приказ стрелять в своих родственников, братьев, знакомых, и даже тогда вы должны выполнять мои приказы безропотно». Когда случилась забастовка трамвайщиков, кайзер обратился к солдатам: «Я рассчитываю, что при вмешательстве войск будет убито не менее 500 человек». В 1900 г., отправляя экспедиционный корпус в Китай, он приказывал: «Пощады не давать, пленных не брать. Тот, кто попадет к вам в руки, в вашей власти». Германские военные приучались действовать именно так. В 1904–1907 гг. произошло восстание племен гереро в Юго-Западной Африке. Германские войска генерала фон Тротта «усмирили» их так, что из 200 тыс. человек народа гереро, в живых осталось около 15 тыс., да и тех загнали в пустыни Намибии. Нацизма еще не было, а это уже было...

Но военные приготовления Германии велись по двум направлениям, плохо согласующимся между собой. Армия готовилась для войны с Францией и Россией – для чего желательным был нейтралитет Англии. А флот наращивался для борьбы с Британией. Ряд деятелей во главе с адмиралом Тирпицем отстаивали другой вариант: для достижения мирового господства надо заключить союз с Россией и Японией и сражаться с Англией. Но они были в явном меньшинстве. Кайзер, правительство во главе с канцлером Бетманом-Гольвегом, армейское командование, промышленники, общественное мнение нацеливались против России и Франции. Надеялись, что Англия все же не вмешается. А флот нужен для

того, чтобы заставить ее сохранить нейтралитет и после победы захватить французские колонии.

Но и против русских с французами Германия в одиночку воевать не могла, должна была держаться за союзников. Главным из них являлась империя Габсбургов. После того, как Австрия утратила влияние на Германию и Италию, в ней были проведены реформы. Чтобы предотвратить дальнейший распад империи, решили сделать опору на венгров и преобразовали страну в «дуалистическую», Австро-Венгрию – с двумя правительствами, двумя парламентами и одним императором. К 1914 г. трон занимал престарелый Франц-Иосиф.

Зоной своих «жизненных интересов» Австро-Венгрия считала Балканы. Но ее лихорадили серьезнейшие внутренние проблемы. Кроме двух «главных» наций, немцев и венгров, империю населяли хорваты, босняки, сербы, словенцы, румыны, чехи, словаки, поляки, итальянцы, галицийские русины. Они оказывались «второсортными» народами, среди них зрело недовольство. Решение проблемы предлагал наследник престола Франц Фердинанд – преобразовать Австро-Венгрию в «триалистическую» Австро-Венгро-Славию. Но немцы и венгры категорически противились, чтобы их уравнили в правах со славянами.

А главной головной болью для австрийцев считалась Сербия. Опасались даже не ее враждебных или подрывных акций. Боялись, что само по себе усиление Сербии подаст

«плохой» пример славянам, входящим в империю Габсбургов, они выйдут из-под контроля, и держава развалится на кусочки. Поэтому в Вене приходили к выводу – необходимо при первом же удобном случае разгромить Сербию, окорнать ее территории и посадить на престол собственных ставленников. Австро-Венгрия хотела только короткой и локальной войны, а то как бы большая война тоже не привела ее к распаду. Но для Германии локальная война требовалась, чтобы разжечь глобальную. Она всячески успокаивала союзницу – бояться нечего, вместе победим в два счета. А продвижение на Балканы Берлин всемерно поощрял, рассчитывал через австрийцев подмять этот регион под собственное влияние и соединиться с Турцией.

Османская империя (со средних веков за ней сохранилось и другое название, Великая Porta) занимала в планах пангерманизма очень важное место. Впрочем, отношения Берлина и Стамбула были далеки от искренности. Обе стороны темнили и полагали, что лишь используют друг друга. Немцы заверяли в лучших чувствах, но замыслили «мирное экономическое завоевание» Турции. Оно уже шло полным ходом. Англичан и французов вытеснили. В Турцию внедрились немецкие банки, фирмы, множились немецкие школы, миссионерские общества, продолжалось строительство Багдадской дороги. В 1913 г. в Берлине было создано особое делопроизводство по закреплению германского влияния в Османской империи, руководителем этого учреждения стал

кронпринц Вильгельм.

Ну а лидеры «Иттихада» верили, что покровительство Берлина требуется им только ради собственного усиления, а потом от немцев можно будет избавиться. Младотурки насаждали идеологию патюркизма и панисламизма. Пантюркизм провозглашал превосходство «тюркской расы» над остальными. Правда, среди самих руководителей «Иттихада» почти не было чистокровных турок. В большинстве это были выходцы из Салоник, «отуречившиеся» греки, евреи, славяне, эмигранты с российского Кавказа. Но подобное несоответствие их ничуть не смущало. Масонов-младотурок трудно было назвать и правоверными мусульманами, они жили по-европейски, сплошь и рядом нарушали исламские законы. Панисламизм служил для них политическим инструментом. Доказывалось, что первенство в мире должно принадлежать мусульманам, а внутри исламского сообщества – «тюркской расе».

Идеолог панисламизма Сами Заде Сурея поучал: «Цивилизация до XX в. принадлежала только мусульманам; европейцы украли ее у мусульманского мира, присвоили себе, а мусульмане на определенное время, благодаря своей беспечности, отстали от них». Отсюда следовал призыв ко всем мусульманам объединиться вокруг халифа, т. е. турецкого султана. «Когда мы достигнем этой цели, мы, без сомнения станем нацией, господствующей над миром». В Стамбуле содержали политических эмигрантов из Египта, Туниса, Йемена,

Индии – чтобы в нужное время поднять эти страны на «священную войну».

А главной своей целью младотурки видели создание Великого Турана. Вспоминали, что древние тюрки в VI в. образовали гигантский каганат, простиравшийся от Черного до Желтого морей – и турок объявляли их наследниками. Конечно, с научной точки зрения это было полной чепухой. Древние тюрки, родственные монголам, и османские турки – совершенно разные народы. Но стоило ли углубляться в подобные «мелочи»? Уж больно заманчивые открывались горизонты! Один из главных идеологов пантюркизма Зия Гекальп утверждал: «Политические границы родины турок охватывают всю территорию, где слышна тюркская речь и где имеется тюркская культура». Патетически вопрошал: «Где ныне Туран? Где же Крым? Что стало с Кавказом? От Казани до Тибета везде только русские». В газете «Тюрк юрду» («Тюркская родина»), ее редактор, эмигрант из России Юсуф Акчура писал о «единой нации всех тюркоязычных народов от Дуная до Китая».

Турки провозглашались «чистокровной высшей расой», призванной господствовать над другими народами. В 1910 г. на съезде «Иттихада» видный деятель партии Назым говорил: «На Востоке в Азии имеются беспредельные просторы и возможности для нашего развития и расширения. Не забывайте, что наши предки пришли из Турана, и сегодня в Закавказье, как и к востоку от Каспийского моря на про-

сторных землях тюркоязычные племена составляют почти сплошное население, находящееся, увы, под ярмом нашего векового врага – России. Только в этом направлении открыты наши политические горизонты, и нам остается выполнить наш священный долг: осуществить объединение тюркских племен от Каспийского до Желтого моря...»

Некоторые идеологи шли еще дальше, через древних тюрков устанавливали свои «родственные связи» с гуннами, угорскими народами, и включали в Великий Туран все Поволжье, Венгрию, Финляндию и с какой-то стати Японию, Тайвань. Один из руководителей младотурок Текин Альп в книге «Туран» выдвигал программу-минимум и программу-максимум. Минимум был от Стамбула до Байкала и Казани, а максимум, на втором этапе – до Ледовитого океана, Скандинавии, Японского моря. Все это предстояло завоевать «огнем и мечом», провозглашалась эра «новой чингизиады». Правда, в правительстве осознавали, что для «чингизиады» их страна слабовата, и начало глобальной войны планировали где-то в 1925 г. Но ведь ждать было так долго. А с союзом с немцами можно действовать уже сейчас!

Тот же Текин Альп писал: «Если русский деспотизм... будет уничтожен храбрыми армиями Германии, Австро-Венгрии, Турции, тогда от 30 до 40 млн. тюрков получат независимость. Вместе с 10 млн. османских турок они образуют нацию... которая так продвинется вперед к великой цивилизации, что, вероятно, сможет сравняться с германской

цивилизацией... Она достигнет превосходства над вырождающейся французской и английской цивилизацией». Программа пантюркистского общества «Тюрк гюджю» («Тюркская мощь») восторженно взывала: «Железный кулак турка вновь опустится на планету, и весь мир будет дрожать перед ним». Солдат воспитывали в духе мести «неверным», грядущей «чингизиады». Газета «Азм» наставляла: «Каждый солдат должен вернуться к дням варварства, жаждать крови, быть безжалостным, убивая детей, женщин, стариков и больных, пренебрегать имуществом, честью, жизнью других».

В Берлине о проектах иттихадистов, разумеется, знали, но они немцев вполне устраивали. Кайзер не отказался от роли «покровителя мусульман» – колоссальные людские ресурсы исламского мира он намеревался использовать в интересах Германии. Так что панисламизм ему подходил. Конечно, фантастические идеи дойти до Желтого моря всерьез не воспринимали, но отделить от России Кавказ считали реальным. Пусть перейдет под власть Турции, а эксплуатировать его будет Германия. Самые горячие головы раскатывали губы и на большее. Адмирал Лобей и его сторонники полагали, что надо захватить «мост» на Кавказ – Украину. Дескать, через нее будет ближе, чем через Турцию. С ним был согласен другой идеолог, Де Лагард, указывал, что от русских надо «очистить» Польшу, Прибалтику, Украину, Крым и район Саратова, где проживают «этнические немцы».

Более трезвые берлинские политики все же учитывали си-

лы России и запросы наподобие Украины оставляли «про запас». Не для ближайшей войны, а для следующих. Сама же необходимость войны сомнений не вызвала. В 1912–1913 гг. донесения русских военных агентов в Германии и Швейцарии Базарова и Гурко сходились на том, что война начнется в 1914 г. и начнется со стороны Германии. К этому были все основания. Германские военные расходы с 1909 по 1914 г. возросли на 33 % и составили 2 млрд. марок в год. В 1911–1912 гг. были приняты законы о чрезвычайном военном налоге, увеличении армии и программа модернизации вооружений. Рассчитана она была на 5 лет, до 1916 г. Но вскоре постановили, что программа должна быть выполнена раньше – *к весне 1914 г.*

К войне готовились и германские спецслужбы. Одним из их руководителей стал крупнейший из немецких банкиров Макс Варбург. Он курировал деятельность «Комми-ферейна», профессионального объединения немецких приказчиков и коммивояжеров в разных странах. Для них специалистами военного министерства была разработана форма отчетов, которые они обязаны были регулярно посылать в правление союза. Эти отчеты превратились в полноценные разведдонесения. Циркулярами генштаба № 2348 от 7 апреля 1908 г. и № 2348-бис от 22 июня 1913 г. в представительства немецких фирм в России были направлены профессиональные разведчики. Заранее создавались каналы будущего финансирования подрывной работы. Для этого в 1912 г. под

эгидой Варбурга в Стокгольме был образован «Ниа-банк» Олафа Ашберга. Генерал Рорбах предпринял путешествие по России, исследуя разные районы на предмет сепаратистских настроений. Была создана «Лига инородческих народов России» во главе с бароном Экскулем. А общее руководство подрывной деятельностью было возложено на статс-секретаря германского МИДа Циммермана.

Кавказ и Среднюю Азию в 1911–1914 гг. наводнили турецкие эмиссары, действующие под видом купцов, паломников, путешественников. Вели пропаганду, искали связи с антирусскими силами, организовывали центры подрывной деятельности. Доклады жандармерии в этот период пестрят сообщениями о создании панисламистских школ в Шемахе, Агдаме, Геокчае, Темирхан-Шуре, Баку, Балаханах, Сабунчах, Елисаветполе, Шуше, Петровске, Эривани, о появлении панисламистских газет, типографий, прокламаций, о шпионаже, приезде под чужими именами турецких офицеров. Особый отдел канцелярии наместника на Кавказе представил доклад, посвященный панисламизму, как новой опасности, угрожающей этому краю. «Учение панисламизма представляет при многочисленности магометанского населения края несомненную политическую опасность для России, так как он идет к нам из Турции и находится в самой тесной связи с успехами младотурецкого движения в Османской империи». 23 марта 1914 г. наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову доложили: распространяются слухи о близком

разрыве между Турцией и Россией, а влиятельный курдский шейх Абдул-Кадыр эфенди разослал из Стамбула письма курдским бекам в Персии – чтобы они готовились напасть на русских, когда начнется война, обещал турецкую помощь деньгами и оружием.

Принятие Россией своей военной программы в марте 1914 г. подхлестнуло ее врагов. Мольтке писал: «После 1917 г. мощь России окажется неодолимой», она будет «доминирующей силой в Европе», и «он не знает, что с ней делать». В мае 1914 г. в Карлсбаде состоялось совещание генштабов Германии и Австро-Венгрии, были окончательное согласованы планы, а насчет сроков войны Мольтке заявил Конраду: «Всякое промедление ослабляет шансы на успех союзников». Началась и психологическая подготовка. Еще не гремели выстрелы, а германские газеты писали о предстоящей «расовой битве». А генерал Брусилов, приехавший в мае 1914 г. на курорт в Киссинген, был поражен городским праздником – на площади построили большой макет московского кремля и подожгли его под радостные крики народа.

8. Русские союзники

Союзнница России, Франция, считалась в начале XX в. центром мировой культуры и финансов. Но собственную промышленность развивала слабо. Германские банки действовали по указаниям правительства и вкладывали деньги, в основном, на родине, а у французов они пользовались полной свободой, ссужали кому угодно. 60 % всех французских капиталов вкладывались за границей, в том числе в Германии – там процент прибыли был вдвое выше, чем в Париже. А то, что французские толстосумы помогали вооружать будущих врагов, никого не смущало, «деньги не пахнут».

Страна была богатой и легкомысленной. Взбучку, полученную от немцев, хорошо помнили, и войны опасались. Но хотели и расквитаться, утрату Эльзаса и Лотарингии называли «национальным позором». А германские провокации, придирки и угрозы вызывали ответное озлобление. Союз с Россией вселял уверенность, что теперь-то победа обеспечена, надо всего лишь «привести в движение русского гиганта». Тем не менее, политика Парижа шарахалась туда-сюда. Демократия разгулялась вовсю, с 1912 по 1914 г. сменилось 7 кабинетов правительства. Одни партии ратовали за войну, другие урезали военные статьи расходов, а левые социалисты во главе с Жоресом вообще намеревались в случае войны начать всеобщую стачку, и в департаментах составлялись

списки опасных лиц, при столкновении с немцами их предполагалось арестовать, чтобы не сорвали мобилизацию.

Постепенно становилось ясно, что сражаться все же придется. Президентом был избран воинственный Пуанкаре – уроженец потерянной Лотарингии. В ответ на наращивание германских вооруженных сил Франция в 1913 г. приняла закон об увеличении срока службы с 2 до 3 лет – армия должна была вырасти на 50 %. Хотя выяснилось, что для новых частей нет оружия и снаряжения. Решили вводить реформу постепенно, в течение 2–3 лет – к 1916 г. Углублялось сотрудничество между французским и русским командованием, генштабистами. В 1913 г. достигли окончательного соглашения о взаимодействии. При объявлении войны Франция начинала действовать на 11-й день мобилизации, а Россия после 15 дней.

Другая союзница, Великобритания, была самой большой мировой державой – и по площади, и по населению она значительно превосходила Россию. Ведь англичанам принадлежали колонии, разбросанные по всему земному шару. Идея империи, созданной трудами многих поколений, понималась как сверхзадача – эта империя однозначно увязывалась с честью, благополучием и самим существованием Англии. Объявлялось о великой миссии британцев нести «свет культуры и цивилизации» отсталым странам. Но к началу XX в. англичане начали осознавать, что удерживать такие владения трудновато. Некоторым колониям, где значительная до-

для населения состояла из «белых», предоставили права самоуправляемых доминионов – их получили Канада, Новая Зеландия, Австралия, Южная Африка.

Британия уже не стремилась к новым захватам, поэтому воевать не хотела. Но только при условии – что за ней останется господствующее положение в мире и никто не покусится на владения, которые она уже захватила. Претензии Германии на мировое первенство и усиление ее военного флота воспринимались англичанами как жизненная угроза. Многие политики предпочитали все-таки уклониться от схватки – пусть немцы дерутся с французами и русскими. Но вдруг они победят? Тогда британцам придется худо, они останутся с Германией один на один. А если победят русские и французы – без англичан? И без них поделят плоды успехов? В 1912 г., после безуспешных переговоров с Берлином об ограничении флотов, Англия наконец-то взяла на себя конкретные союзные обязательства, заключила морское соглашение с Францией. Обещала при нападении Германии прикрыть атлантическое побережье. В 1914 г. начались переговоры о военно-морском соглашении с Россией.

Но союз оставался зыбким и ненадежным. Среди англичан были сильны русофобские взгляды. Постоянный подсекретарь МИДа Николсон говорил: «Для меня это такой кошмар, что я должен почти любой ценой поддерживать дружбу с Россией!» А другие британские руководители сомневались, стоит ли выполнять обещания союзникам? Министр

иностранных дел Грей заявлял: «Русские ресурсы настолько велики, что в конечном итоге Германия будет истощена даже без помощи Англии». Немцы старались поддерживать пацифистские настроения англичан, вели у них подрывную работу, пусть увязнут в собственных проблемах. Разжигали в Ирландии гражданскую войну между католиками и протестантами, причем продавали оружие тем и другим.

Но Англия была тесно связана и с «родственной» Америкой. А заокеанские круги вели собственную политику. В 1912 г. в Нью-Йорке состоялся международный сионистский съезд. Он проходил открыто и торжественно. Газета «Нью-Йорк Сан» оповестила, что банкир Герман Лоеб провозгласил задачу «поставить Россию на колени». Для этого был создан специальный фонд, в деле приняли участие крупнейшие финансисты – Ротшильды, Шифф, Барух, Варбурги, президент лондонского банка «Джойнт Сток» (и глава «Великой ложи Англии») лорд Мильнер.

Резко активизировалась революционная работа – «мировая закулиса» раскручивала ее через своих агентов Парвуса, Троцкого, Свердлова и др. А чтобы достичь разрушительных целей, война была очень кстати. В США тоже готовились к ней – по-своему. В 1912 г. тузы Уолл-Стрита провели на пост президента свою креатуру Вудро Вильсона. В 1913 г. он добился отмены закона, запрещавшего вывоз американских капиталов за рубеж. Была учреждена Федеральная Резервная Система, аналог Центробанка, она получила право

печатать доллары, но стала не государственным учреждением, а кольцом частных банков. Воротили США заранее готовились наживаться на займах и поставках сражающимся сторонам.

Особо стоит коснуться и третьей российской союзницы, Сербии. Простые сербы относились к русским с искренней и горячей любовью. Но в политике было сильно влияние Франции, ее банки и фирмы подмывали сербскую экономику, систему финансов, предоставляли средства на вооружение. Кроме того, в стране существовала «вторая власть». Офицеры, которые в свое время свергли Обреновичей и возвели на престол короля Петра, заняли высокие посты в армии. Их лидер Драгутин Дмитрович стал начальником сербской разведки и сформировал тайную организацию «Черная рука». Она ставила целью создание «Великой Сербии», которая вобрала бы Хорватию, Македонию, Боснию, Герцеговину, Словению.

Мирным путем достичь этого было невозможно, значит, требовалась война – такая, чтобы вовлечь в нее Россию. Офицеры-заговорщики были убежденными патриотами. Они верили, что действительно готовят для своей страны блестящее будущее. Но... они были и масонами. А зарубежные «братья» подогревали и направляли их деятельность в собственных целях. Король Петр и правительство во главе с премьер-министром Пашичем занимали куда более умеренную позицию, стремились сохранить мир. Но они ничего не могли поделать с «Черной рукой». Радикалы имели огром-

ное влияние в армии, парламенте, у них были могущественные покровители за границей, в той же Франции. По всем Балканам они создали сеть террористических организаций – «Млада Босна», «Народна Одбрана», «Свобода», смыкались с анархистами, социалистами. Велась пропаганда, гремели теракты.

В 1914 г. заговорщики Дмитровича с помощью несовершеннолетних юнцов из Боснии начали готовить покушение на австрийского наследника престола Франца-Фердинанда – поборника равноправия славян в Австро-Венгрии и одного из главных противников войны с Россией. Об этом узнал премьер Пашич, через сербского посланника в Вене предупредил австрийское правительство. Узнали и русские, тоже пытались предотвратить беду, передали в Австрию сообщение об опасности. Но от Франца-Фердинанда предостережения утаили. Он отправился с визитом в Боснию. В июне «Черная рука» произвела в Сербии переворот, заставила короля Петра передать власть сыну, принцу-регенту Александру – заговорщики надеялись, что он станет для них более удобным монархом. А в Сараево прозвучали выстрелы Гаврилы Принципа, сразившие Франца Фердинанда и его жену. Это было именно то, что требовалось всем сторонникам войны. И произошло именно в нужное время. В Вене шутили, что убийцам надо поставить памятник за такой «подарок». Когда Вильгельм II получил донесение о теракте, он на полях начертил: «Jetzt oder niemals» – «Теперь или никогда».

9. Началось...

Сараевские выстрелы наделали много шума в мире, но быстро отодвинулись на второй план – теракты случались и раньше. У всех государств были свои проблемы. Англичанам пришлось в июле подавлять междоусобицу в Ирландии. В Петербурге разразилась массовая забастовка, демонстрации рабочих и беспорядки. А все внимание Франции занимало сенсационное дело мадам Калло, жены министра финансов – за клевету на мужа она застрелила редактора газеты «Фигаро».

Но шли интенсивные консультации. Германские послы прощупывали позицию Англии, Италии. Весь правящий триумvirат Турции разъехался вдруг с визитами: Джемаль в Париж, Талаат в Петербург, Энвер в Берлин. Но переговоры с Францией и Россией были лишь маскировкой, они еще не собирались воевать и ничего не могли предложить туркам. А немцев подразнили этими переговорами, чтобы были пощеднее, и в Берлине Энвер достиг нужного соглашения. В Петербург отправились и президент Франции Пуанкаре с премьером Вивиани. Когда им представили дипломатический корпус в России, Пуанкаре намекнул послу Австрии, что «у Сербии много друзей», а посла Сербии успокоил – дескать, может и обойдется.

Нет, не обошлось. В Берлине и Вене кипела тайная рабо-

та. Выработывали ультиматум Сербии – такой, чтобы она не могла принять. Австрийский император Франц Иосиф писал Вильгельму II: «Нужно, чтобы Сербия, которая является нынче главным двигателем панславянской политики, была уничтожена». Вильгельм полностью соглашался, поучал: «Надо покрепче наступить на ноги всей этой славянской сволочи». Текст ультиматума утвердили 14 июля, но вручение задержали. 23 июля французская эскадра с президентом и премьер-министром отчалила из Петербурга. С русским правительством расстались, а до Франции ее руководству еще предстояло добратся. И тогда-то ультиматум был предъявлен.

От Сербии требовали чистки офицеров и чиновников, замеченных в антиавстрийской пропаганде, ареста подозреваемых в содействии терроризму. Один из пунктов требовал допустить австрийцев к расследованию на сербской территории и к наказанию виновных. Принять этот пункт Сербия никак не могла. Официально – он нарушал суверенитет страны. Но премьер Пашич знал и другое: если даже дать согласие, австрийцы виновных *найдут*. Террористы были арестованы, от них следы вели к офицерам из «Черной руки». Вена все равно получит повод к войне, но Сербия окажется в еще более невыгодных условиях. А на ответ давалось всего 48 часов, дипломатическое урегулирование заведомо исключалось.

Принц-регент Александр воззвал к Николаю II, прося за-

щиты. Царь заверил его: «Пока остается хоть малейшая надежда на избежание кровопролития, все мои усилия будут направлены к этой цели», но в любом случае Россия «не окажется равнодушной к участи Сербии». Государь и англичане предложили вынести вопрос на международную конференцию. Франция и Италия согласились, Германия отказалась. 25 июля, не дожидаясь сербского ответа на ультиматум, она начала скрытую мобилизацию – без официального ее объявления рассылались повестки резервистам. Флоту, находившемуся в Норвежском море, кайзер приказал возвращаться на базы – он намеревался бросить все корабли на Балтику, против России.

А 26 июля, когда ни одна из держав Антанты еще не приступала к военным приготовлениям, германское правительство заблаговременно утвердило ультиматум... нейтральной Бельгии. Дескать, Германия, получила «надежную информацию», будто Франция намерена напасть на нее через Бельгию. А поскольку бельгийская армия не сумеет остановить французов, Германия вынуждена «в целях самосохранения» ввести в Бельгию войска. Если она согласится, немцы обещают после войны уйти с ее территории и возместить убытки. А если откажется, «будет считаться врагом» Германии.

Тем временем сербский премьер Пашич проявил чудеса дипломатического искусства, составляя ответ. Он принял все пункты, кроме одного. Вместо разрешения австрийцам вести расследование в Сербии предлагал передать вопрос

Гаагскому международному трибуналу, заранее обещая подчиниться его решениям. Но для Австрии было достаточно хоть какого-нибудь формального несогласия. 26 июля она разорвала отношения с Сербией.

Николай II реагировал очень осторожно, чтобы не спровоцировать столкновение. 26 июля царь согласился на подготовительные мероприятия к мобилизации – но не саму мобилизацию. Он пытался использовать свою, как он считал, личную дружбу с «кузеном Вилли». Одну за другой слал ему телеграммы, умоляя помешать австрийцам «зайти слишком далеко». Но Вильгельм воспринимал миролюбие царя как доказательство его слабости. А на предупреждениях российского МИД, что наша страна не оставит Сербию на растерзание оставил заметки на полях, «Что ж, валяйте», «Это как раз то, что нужно!»

Конечно, достаточно было одного намека из Берлина, чтобы Австро-Венгрия склонилась к примирению, но шли совершенно другие инструкции. Мольтке требовал от австрийцев: «Отвергните мирные предложения Великобритании. Европейская война – это единственный шанс на спасение Австро-Венгрии. Поддержка Германии вам абсолютно обеспечена». А канцлер Бетман-Гольвег, наоборот, просил, чтобы не отвергали мирных инициатив, а делали вид, будто собираются их рассмотреть, иначе «будет трудно возложить на Россию вину за пожар в Европе».

28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. В Ве-

не и Будапеште это вызвало общее ликование. Горожане заполонили улицы, пели песни, дамы засыпали цветами военных, которым предстояло побить проклятых сербов. Война воспринималась как недолгая и, без сомнения, победоносная прогулка. 29 июля на Белград посыпались снаряды с кораблей Дунайской флотилии и с батареей крепости Землин, расположенной на другом берегу Дуная.

В этот же день германскому послу в Брюсселе привезли пакет с ультиматумом для Бельгии. Но вскрыть его следовало позже, по особому указанию. А Франции и России Бетман-Гольвег направил угрожающие ноты. В Париж – что «военные приготовления, которые Франция *собирается начать*, вынуждают Германию объявить состояние угрозы войны». А нота в Петербург «очень серьезно уведомляла» – «если Россия будет продолжать свои военные приготовления, *даже не приступая к мобилизации*», эти меры «заставят нас мобилизоваться, и тогда едва ли удастся избежать европейской войны». Немцы в открытую задирали соседей.

Важную роль в развитии событий могла сыграть Англия. Министр иностранных дел Сазонов и президент Пуанкаре неоднократно обращались к ней, просили сделать официальное заявление и твердо поддержать союзников. Глядишь, подействовало бы на немцев или хотя бы австрийцев, как это уже бывало в прошлых кризисах. Но нет, на этот раз Грей разводил руками: «Мы должны сохранять полнейшую свободу действий». В кабинете министров и парламенте развер-

нулись нескончаемые дебаты, консультации с США – стоит ли вспоминать о взятых обязательствах или лучше забыть о них? Немцы оценили эти колебания по-своему, и канцлер Бетман-Гольвег открытым текстом предложил Англии купить ее нейтралитет. Уже подразумевалось, что будет война с Францией, хотя она никак не была причастна к «сербскому вопросу», и канцлер обещал – если британцы не вмешаются, Германия не станет присоединять собственно французские территории, а французские колонии согласна поделить.

Лишь первый лорд адмиралтейства У. Черчилль уже серьезно опасался, как бы грянувшая война не застала корабли врасплох. Он приказал флоту перебазироваться на север, в Скапа-Флоу, подальше от баз немецких миноносцев и подводных лодок, уговорил премьер-министра Асквита подписать приказ о «предварительном военном положении». Во Франции такое же беспокойство проявлял начальник генштаба Жоффри. По французским законам, солдатам предоставлялись отпуска на время жатвы, половина армии разъехалась по деревням. Жоффри доказывал, что немцы могут ворваться без единого выстрела, убеждал начать мобилизацию. Но даже вчерашние сторонники войны в правительстве осаживали его. Стоит ли спешить, навлекать на себя удар? Может, немцы и австрийцы навалятся на сербов и русских? Жоффри разрешили лишь отозвать солдат из отпусков и изготовить 5 приграничных корпусов. Но одновременно приказали отвести их на 10 км от границы. Показать – Франция

не будет атаковать первой.

А в Петербурге, когда загрохотали австрийские пушки, Николай II решил припугнуть Вену военной демонстрацией. Распорядился начать частичную мобилизацию Киевского, Одесского, Казанского и Московского округов, но не Варшавского, граничившего и с Австро-Венгрией, и с Германией. Однако такого плана в генштабе не существовало – все военные и политики прекрасно понимали, что в одиночку, без немцев, австрийцы против России не выступят. А сами русские нападать на них не собирались. Но на полную мобилизацию царь не согласился. Если частичная была невозможной, решил пока вообще не объявлять мобилизации.

К государю стекалась самая противоречивая информация. Прикатилась вызывающая и оскорбительная нота канцлера Бетман-Гольвега, но и после этого германский посол в Петербурге Пурталес передавал миролюбивые заявления, одна за другой приходили обнадеживающие телеграммы от Вильгельма II: «Я прилагаю последнее усилие, чтобы вынудить австрийцев действовать так, чтобы прийти к удовлетворительному пониманию между вами. Я тайно надеюсь, что Вы поможете мне в моих стремлениях сгладить трудности, которые могут возникнуть. Ваш искренний и преданный друг и брат Вилли». Особо кайзер просил не начинать военных приготовлений – это, мол, помешает его посредничеству. Царь отвечал, благодарил за помощь, предлагал вынести конфликт на рассмотрение Гаагской конференции.

Но Австрия после всех влияний отказалась от любых переговоров. В следующих телеграммах тон кайзера изменился, он повторял ту же ноту Бетман-Гольвега. А от русских дипломатов и военных хлынули тревожные сведения, что в Германии военные мероприятия идут полным ходом, немецкой флот из Киля перемещается в Данциг на Балтике, к границе выдвигаются кавалерийские соединения, уже в полевой форме. А России для мобилизации требовалось на 10–20 дней больше, чем немцам. Становилось ясно, что они просто морочат голову, хотят выиграть еще и дополнительное время... Когда неутешительные выводы доложили царю, он задумался. Сказал: «Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей! Как не остановиться перед таким решением». Но потом, взвесив все факты, добавил: «Вы правы. Нам ничего другого не остается, как ожидать нападения...»

31 июля Россия объявила мобилизацию. При этом российский МИД разослал разъяснения, что она будет сразу остановлена в случае прекращения боевых действий и созыва конференции. Но Германия как раз и ждала этой зацепки. Кайзер телеграфировал Николаю II, что царь еще может «предотвратить конфликт, если отменит все военные приготовления». Ждать ответа Вильгельм не намеревался, через час после отправки телеграммы он въехал в Берлин на коне и под восторженный рев толпы объявил с балкона, будто его «вынуждают вести войну». Тотчас были направлены два ультиматума, Франции и России. А одновременно с ультимату-

мами утвердили тексты объявления войны. Зачем лишний раз собирать правительство, если все решено?

От французов потребовали в течение 18 часов ответить, останется ли Франция нейтральной в случае войны с Россией, а если да... то передать Германии «в залог» мощные крепости Туль и Верден, «которые сначала будут оккупированы, а после окончания войны возвращены». В общем, не хотите воевать – пустите в свою страну оккупантов. От такой наглости ошалело не только французское правительство, а даже германский посол, вручавший ультиматум. А об ультиматуме России в Петербурге сперва узнали... из прессы. Его опубликовали в немецких газетах, но посол Пурталес получил инструкцию вручить его в только полночь с 31 июля на 1 августа, чтобы русским было невозможно что-либо предпринять. Требовалось отменить мобилизацию и «дать нам четкие разъяснения по этому поводу», но немцы все еще темнили и слова «война» избегали: «Если к 12 часам дня 1 августа Россия не демобилизуется, то Германия мобилизуется полностью».

Среди ночи пытались консультироваться с союзниками. Но в Лондоне Грей заявлял, что «конфликт между Россией, Австрией и Германией не затрагивает интересов Англии». Оставалось неясным даже то, поддержит ли русских Франция – ведь союзный договор не был ратифицирован французским парламентом. В Париже царил полный разброд. В одном из кафе патриот застрелил лидера пацифистов Жоре-

са, призывавшего сорвать мобилизацию. Правительство впало в панику, ждало восстания левых. Готовилось ввести в действие план «Карне-Б», арестовать по спискам всех левых социалистов, анархистов, экстремистов.

Но позицию Франции определили не ее союзные обязательства, а немцы. Утром 1 августа они без всякого объявления войны вторглись в нейтральный Люксембург. Французы в этот день отклонили ультиматум о сдаче крепостей, объявили мобилизацию. Вторжение обеспокоило и Бельгию. По международным договорам 1839 и 1870 г. она обязана была соблюдать полный нейтралитет, а гарантами выступали все великие державы. Теперь ее правительство обратилось к немецкому послу фон Белову за разъяснениями по поводу Люксембурга. Оно получило заверения: «Бельгии нечего опасаться Германии». «Может гореть крыша вашего соседа, но ваш дом будет в безопасности».

А Николай II все еще делал попытки избежать столкновения. Направил в Берлин заявление, что мобилизация – это еще не война, настаивал на переговорах. Но по истечении срока ультиматума к Сазонову явился Пурталес, официально спросил, отменяет ли Россия мобилизацию, услышал «нет» и вручил ноту: «Его Величество кайзер от имени своей империи принимает вызов» и объявляет войну. Хотя посол допустил грубейшую накладку. Дело в том, что ему из Берлина передали две редакции ноты, в зависимости от ответа России. *Война объявлялась в любом случае – варьиро-*

вался только предлог. А Пурталес переволновался и отдал Сазонову обе бумаги сразу...

Между тем, в Берлине шли споры. Мольтке и Тирпиц настаивали, что вообще нельзя заниматься глупыми формальностями с ультиматумами, объявлениями войны. Надо напасть – и все. А противники ответят, тогда-то и назвать их «зачинщиками». Иначе получается глупо, Германия провозглашает себя миротворцем, хочет возложить вину на Россию, а объявляет войну первой. Но кайзер слишком любил красивые жесты, и эти соображения отверг. Он лишний раз покрасовался перед публикой и торжественно провозгласил войну. Со 2 августа начиналась мобилизация.

Впрочем, здесь требуется уточнение. Германия была единственным государством, где слово «мобилизация» автоматически означало «война». Призыв резервистов шел еще раньше. А приказ о мобилизации давал старт плану Шлиффена. Он считался чудом военной мысли и основывался на разнице сроков мобилизации в Германии (10 дней) и России (30 дней). Следовало быстро кинуть все силы на Францию, молниеносно разгромить ее, пока русские не успели сосредоточиться, а потом перебросить войска на восток. Любое промедление грозило сорвать план, и он многократно отрабатывался на учениях. На железных дорогах вводился военный график, на узловые станции направлялись офицеры генштаба, начинали дирижировать перевозками: в короткие сроки требовалось перебросить для наступления 40 корпу-

сов, а для каждого требовалось 140 поездов. В общем-то ситуация получилась далекой от логики. Пока объявили войну только России, которая якобы угрожала Германии и Австрии, а немецкие армии двинулись на запад! Каждый офицер уже имел карту с маршрутом своего полка по Бельгии и Франции.

2 августа посол в Брюсселе получил указание вручить ультиматум Бельгии. Тот самый, где требовалось впустить германские войска, на размышления давалось 12 часов. Бельгийское правительство пребывало в трансе – только вчера оно получило противоположные обещания. Насчет обязательств немцев, что они будут вести себя хорошо и уйдут после войны, иллюзий уже ни у кого не было, Берлин показал, чего стоят его слова. Король Альберт и его министры приходили к выводу: остается только защищаться.

А Англия еще не определилась. К ней зывали французы, напоминали о морском соглашении. Но из 18 членов кабинета 12 были против того, чтобы поддерживать Францию. Грей откровенно намекнул французскому послу Камбону, чтобы в Париже «не рассчитывали на помощь». Камбон в интервью газете «Таймс» прокомментировал – не пора ли выбросить слово «честь» из английского словаря? Но угроза Бельгии изменила настроения. Не из-за того, что Британия считалась главным гарантом ее нейтралитета. Это был плацдарм, с которого немцы могли блокировать берега Англии, наносить удары по ней самой. Но даже теперь в правительстве и пар-

ламенте многие считали нужным остаться в стороне от войны. Ллойд Джордж и ряд других политиков доказывали: если немцы захватят не побережье Бельгии, а только ее восточную часть, нарушение нейтралитета стоит считать «незначительным» и не вмешиваться. Но все-таки возобладала другая точка зрения. Из Лондона в Берлин посыпались требования не задевать бельгийцев.

Зато Турция уже определилась полностью. 2 августа в Стамбуле была подписана тайная конвенция между Германией и Турцией. Ее текст составлялся в июле, во время визита Энвера в Берлин, и успел устареть. Пункт 1 предусматривал, что «в австро-сербском конфликте» Германия и Турция обязуются держать нейтралитет. Пункт 2 гласил – если в конфликте примут участие Россия и Германия, Турция выступит на стороне Германии. Но в момент подписания Россия и Германия уже находились в состоянии войны – иттихадистов это ничуть не смутило. Заключив договор о войне с Россией, они продолжали пускать пыль в глаза. На следующий день опубликовали декларацию о нейтралитете. Но одновременно с ней начали мобилизацию резервистов с 23 до 45 лет – фактически всеобщую. А статс-секретарь германского МИДа Циммерман 3 августа направил в Стамбул просьбу поднять против русских народы Кавказа.

В этот день Германия объявила войну Франции. Текст тоже составляли заранее, 31 июля, но в словоблудии немцы не стеснялись. Заблаговременно придумали для французов

обвинения в воздушных бомбардировках германских деревень, даже в нарушении «бельгийского нейтралитета». Хотя картина оказывалась обратной. Бельгия ответила отказом на германский ультиматум, и первый секретарь посольства фон Штумп удивленно записал: «Почему они не уйдут с дороги?... Мы не хотим делать им больно, но если они окажутся на нашем пути, мы втопчем их в грязь, смешаем с землей. О, несчастные глупцы...»

4 августа лавина войск хлынула через бельгийскую границу. Британское правительство предъявило ультиматум — прекратить вторжение. Немцы этим очень возмутились, подняли шум о «расовом предательстве», о «враждебном окружении». Рейхстаг единогласно проголосовал за военный кредит в 5 млрд. марок на «защиту страны». Кайзер, узнав о столь единодушной поддержке, удовлетворенно отметил, что «отныне в Германии нет никаких партий, а только немцы». На ультиматум Лондона еще не ответили, но германские газеты вопили: «Англия объявила войну!» А когда его срок истек, Черчилль приказал флоту открыть боевые действия.

Италия и Румыния, несмотря на союзные договоры с Германией и Австрией, предпочли заявить о нейтралитете. В Берлине были уверены, что союзницей станет Япония или займет благожелательный нейтралитет, и русским придется держать значительные контингенты на Дальнем Востоке. Но она осталась верна дружбе с Англией, да и почему бы не по-

живиться за счет Германии? 15 августа, совершенно неожиданно для немцев, Япония предъявила ультиматум. Потребовала передать ей германскую базу в Китае Циндао, отозвать из китайских и японских вод военные корабли. А когда немцы отказались, объявила войну.

Началась Первая мировая. Могла ли Россия уклониться от нее? Факты показывают – нет. Агрессия была предпринята в Берлине и нацеливалась именно на русских. Царь был честным и благородным человеком, он никогда не пошел бы на нарушение союзнического долга. Но даже в гипотетическом случае, если бы Россия разорвала альянс с Францией, пожертвовала Сербией, реализовался бы именно тот вариант, который случился в 1941 г. Легко сломив противников на западе, неприятели обрушились бы на восток. Россия осталась бы в одиночку против коалиции из Германии, Австро-Венгрии и Турции. При подобном раскладе к ним наверняка примкнули бы Италия, Румыния, могли соблазниться и Япония, Швеция. В Петербурге это понимали и строили политику соответствующим образом. И было так, как было.

10. Армии и планы

В начале XX в. в армиях различных государств примерно 70 % солдат составляла пехота, 15 % артиллерия, 8 % конница. Аэропланы использовались в основном для связи и разведки. Бомбы бросали вручную, они были разные типы, до 10 кг. Авиация, связь, автомобильный транспорт еще не выделились в самостоятельные рода войск (в России они входили в инженерные войска вместе с саперами). А границы всех стран прикрывались линиями мощных крепостей. Во Франции – Мобеж, Седан, Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор. В Германии вдоль французских границ – Кельн, Майнц, Мец, Страсбург, вдоль русских – Кенигсберг, Летцен, Данциг, Торн, Позен, Бреслау. У австрийцев – Краков, Перемышль, Галич, Миколаев. У русских – Ковно, Гродно, Осовец, Новогеоргиевск, Брест.

По технической оснащенности лучшей армией была германская. Она насчитывала 2,5 млн. штыков и сабель. Солдаты у немцев 2 года служили на действительной, 4,5 года числились в резерве, потом переходили в ландвер (территориальные войска), а допризывники в возрасте от 17 до 20 лет, лица от 35 до 45 лет и непригодные к службе по состоянию здоровья составляли ландштурм (ополчение). В других странах служба в запасе была формальностью, но в Германии она понималась буквально. С запасниками регулярно

проводились сборы, учения, и войска резерва не уступали кадровым. Германский пехотный корпус насчитывал 45 тыс. человек, состоял из 2 дивизий и специальных частей. В дивизии (17 тыс.) было 2 бригады, в бригаде – 2 полка, в полку 3 батальона по тысяче человек. В дивизии имелось 24 пулемета и 72 орудия, из них 12 тяжелых. А корпусная артиллерия состояла из 16 тяжелых орудий (калибр 150 мм). Кавалерийский корпус состоял из 2–3 дивизий по 4200 сабель.

Профессиональные качества командиров были высокими. Действовал строгий порядок «синих конвертов» – под новый год нерадивый офицер находил на столе извещение, что он уволен, и жаловаться было бесполезно. Но и доверие было высоким. Командир в рамках поставленной задачи мог не оглядываться на начальство и выполнять ее так, как считает нужным. В обучении войск важная роль отводилась идеологии, вбивались в головы все те же теории о «расовых особенностях», «особой исторической миссии».

Но у германской армии имелись серьезные уязвимые стороны. Тактика очень отставала от современных требований. Обороне отводилось недостаточное внимание. При наступлении предусматривались атаки в полный рост густыми цепями, с интервалами в 2 шага, а то и сомкнутыми колоннами. Цепь должна была держать равнение. Отрабатывался и такой архаичный прием – через определенное число шагов цепь останавливалась, прицеливалась, давала залп и маршировала дальше (под огнем противника). Кавалерия тоже го-

товилась к атакам в плотных строях. А германская стратегия по опыту прошлого века нацеливалась на победу в одном генеральном сражении. Отрицалась необходимость стратегических резервов, следовало бросить в бой все сразу – и выиграть.

Планы и развертывание сторон

Основой стратегии был план Шлиффена. 7 армий направлялось на французов, а против русских оставались лишь 2 корпуса и ландвер. Граница Франции по географическим условиям была неудобной для массированного наступления,

вдоль нее тянутся лесистые горы – Арденны, Аргонны, Воге-зы, проходы в них запирались крепостями. Поэтому вторжение предполагалось через нейтральные Люксембург, Бельгию и Нидерланды. Здесь, на правом фланге, сосредотачивался ударный кулак, а левый, в Лотарингии прикрывали довольно слабые силы. Шлиффен допускал, что в начале войны будет временно потеряна Восточная Пруссия, придется отступать в Лотарингии. Но атакующие французы сами втянутся в мешок. А тем временем мощный правый фланг проламывает оборону, выходит в долину Сены, обходит Париж и весь французский фронт, прижимает французские армии к границе и устраивает им разгром, грандиозные «Канны». Затем войска быстро перекидываются на Россию. Наносятся сходящиеся удары, немцы с севера, а австрийцы с юга, от Кракова. Окружают русских в Польше и громят.

Мольтке, преемнику Шлиффена, план показался чересчур рискованным. Что толку в прорыве ударной группировки, если русские в это время выйдут к Берлину, а французы вторгнутся за Рейн? По Германии покатится паника, массы беженцев парализуют дороги, и все замыслы рухнут. Мольтке ослабил ударную группировку на 5 корпусов, 2 переместил в Восточную Пруссию, а 3 в Лотарингию. При этом стало возможно не нарушать нейтралитет Голландии – уменьшившаяся группировка могла развернуться в одной Бельгии. Но все равно успех казался обеспеченным. Операция была расписана по суткам. На 12-й день мобилизации предстоя-

ло взять Льеж, на 19-й Брюссель, а на 39-й Париж. Верховным главнокомандующим являлся кайзер, а фактическое руководство осуществлял его начальник штаба – Мольтке.

Армия Австро-Венгрии насчитывала 1,5 млн. штыков и сабель. Ее структура была близка к германской, но вооружение было слабее, на корпус приходилось 132 орудия (у немцев 160). Похуже была и подготовка солдат, командный состав. Австрийские офицеры, в отличие от германских, активно отдавали дань «житейским радостям», любили сверкать мундирами по балам, театрам, ресторанам, увлекались дамами (или мужчинами, в австрийском «свете» это было модно). Войска ослабляла и национальная неоднородность. Лучшими частями были венгерские, в бою они ничуть не уступали германским. Отличными воинами были немцы, хорваты, босняки. Но у поляков, русинов, словаков, а особенно у чехов и румын воинский дух и дисциплина были заметно ниже.

Императору Францу-Иосифу исполнилось 74 года, а наследником после смерти Франца-Фердинанда стал эрцгерцог Карл, далекий от политики и военных вопросов. Верховным главнокомандующим поставили другого родственника императора, эрцгерцога Фридриха. Разумеется, номинальным. А фактическим стал начальник генштаба Франц фон Конрад фон Гетцендорф. Планы австрийцев представляли собой некую вариацию плана Шлиффена. Войска развертывались тремя группировками. Эшелон «А», 50 % сил, против России. Эшелон «В», 25 % сил, против Сербии. А эше-

лон «С» в центре страны для усиления той или иной группировки. Конрад тоже учел разницу сроков мобилизации в 15 дней между Россией и Австро-Венгрией. Эшелон «А» должен был атаковать в Галиции и бить русских, еще не успевших сосредоточиться. А эшелон «С» направлялся на Балканы. Вместе с эшелонами «В» они мгновенно давили Сербию, потом их перебрасывали на восток. К этому времени подтягивались германцы, разгромившие Францию, и австрийцы наносили главный удар в Польше, навстречу им.

Планы развертывания Австро-Венгрии стали известны русским, завербовавшим начальника австрийской контрразведки полковника Редля. Но в 1913 г. он попался. В то время методы агентурной работы были еще довольно примитивными, и Редль (профессионал!) получал вознаграждение по почте, ходил туда, переодевшись и напялив парик. Полиция обратила внимание на странного получателя переводов. Конрад поступил хитро – не поднимая шума, Редля вынудили застрелиться, а план развертывания изменили, о чем русские не знали.

К вооруженным силам Турции в странах Антанты относились пренебрежительно, помнили, как легко ее громили в Балканской войне. Но в 1912 г. терпели поражения разложившиеся революционные войска, а к лету 1914 г. с помощью немцев возникла практически новая армия. Было сформировано 13 корпусов и 2 отдельные дивизии. Турецкий корпус (45 тыс. бойцов) состоял из 3 пехотных диви-

зий, кавалерийской бригады, артдивизиона, истребительно-го и санного батальонов. В дивизии было 3 полка по 3 батальона, пулеметная рота, кавалерийский эскадрон, дивизион тяжелых и дивизион легких орудий. Турция готова была выставить армию в 800 тыс. человек и имела еще 1 млн. обученного резерва. Эти силы дополнялись иррегулярной конницей курдов и арабов (200 тыс. сабель).

Слабым местом османов было вооружение, его закупали за границей. Но к началу войны немцы построили в Стамбуле патронные заводы. Части, стоявшие на главных направлениях, перевооружили современными германскими винтовками «маузер». А старые винтовки «маузер», однозарядные «пибоди» и «мартин» пошли на вооружение курдских племен. Но артиллерии еще не хватало. Корпусные и дивизионные тяжелые батареи оснащались немецкими орудиями калибра 105 мм, в легких батареях имелись пушки и гаубицы разных систем, Круппа, «Шкоды», «Крезю».

Турецкие солдаты были очень выносливыми, стойкими и дисциплинированными, офицеры имели отличную подготовку, многие учились и стажировались в Германии, на командных постах находились 70 немецких военных специалистов. А планы во многом определялись идеологией «туранизма» и панисламизма. Предполагалось два удара. На Кавказ, отобрать его у русских, и на Суэц, перекрыть англичанам ближайшую дорогу в Индию. Считалось, что эти удары вызовут восстания мусульман в России и Северной Африке.

Самой отсталой из великих держав была армия Франции. Из уроков франко-прусской войны она сделала весьма своеобразные выводы – надо двигаться не вперед по пути прогресса, а... назад, к традициям Наполеона. Была принята теория «жизненного порыва». Чья воля сильнее, тот выиграл. Добиться порыва, напора, и враг бежит. Особенно местности, фортификация, вооружение – все это объявлялось ложными теориями «низшей части воинского искусства». Оборона вообще сбрасывалась со счетов. Полевой устав, принятый в 1913 г., учил: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона, кроме наступления».

Временный переход к обороне допускался только для «экономии сил» на второстепенных участках, откуда снимались войска для наступления. Для укрытия предполагалось использовать лишь складки местности. Окапываться солдат не только не учили, но и запрещали, чтобы не испачкали форму, не утратили бодрого вида и наступательного духа. В приказах писалось: «Никогда французская армия не будет рыть окопы, она будет всегда решительно атаковать и не унижит себя до обороны». За месяц до войны один гусарский лейтенант угодил под арест за то, что познакомил эскадрон с рытьем окопов. Стратегических резервов не предусматривалось – все должно решиться в первых сражениях.

Требовалось «сразу, без оглядки пускать в бой все средства». Атаковать «змейками», а лучше, для пущего напо-

ра, сомкнутыми строями. Разведка считалась несущественной мелочью – нельзя задерживаться, раздумывать. «Важнее воспитать в себе дух, необходимый для победы, нежели разбирать способы ее достижения». А роль артиллерии сводилась к «огневому шквалу» – продолжить дорогу броску пехоты. Французы оснащали войска легкими пушками калибра 75 мм, но тяжелой артиллерии не было совсем. Полагали, что она замедлит темпы наступления. Правда, на французских заводах производились отличные тяжелые орудия, но их изготавливали не для своей армии, а по иностранным заказам.

Дивизии по численности примерно соответствовали германским, в пехотной 17 тыс., в кавалерийской 4 тыс. Но орудий в пехотной дивизии было всего 36. А корпусная артиллерия составляла 48 стволов. В сумме на корпус приходилось 120 орудий – все легкие. Связь осуществлялась через посыльных. Такую новинку как радио не принимали в расчет. А телефоны предусматривались разве что для старшего начальства – ведь телефонные провода в ротах и батареях «привяжут» их к месту, помешают стремительному продвижению. Не было даже полевых кухонь. Тоже из «наполеоновских традиций». Солдат в походе должен был получать еду сухим пайком и готовить на кострах, каждый для себя.

Немцы, русские и англичане уже давно переодели войска в защитную форму, но французы начинали войну в красных штанах, красных кепи (у офицеров с белыми плюма-

жами), в синих мундирах и шинелях. Кавалерия красовалась в сверкающих кирасах, в касках с хвостами из конского волоса, султанами из перьев. Когда военный министр Мессими предложил ввести защитное обмундирование, сочли, что это подорвет воинский дух, и бывший военный министр Этьен восклицал в парламенте: «Ле панталон руж се ля Франс!» («Красные штаны – это Франция!»)

Подготовка войск велась только на плацу – чтобы не портить крестьянских полей. Стрельбой занимались мало (для кавалерии курс составлял всего 3 дня). Основными должны были стать штыковые и сабельные удары. Пехоту тренировали в «наполеоновских» маршах по 40 км. Отрабатывали нормативы штыкового броска – 50 м следовало преодолеть за 20 секунд. Считалось, что врагу нужно 20 секунд, чтобы перезарядить винтовку, прицелиться и выстрелить. Лишь одна из крепостей, Мобеж, была оборудована железобетонными укреплениями. Остальные были кирпичными, давно устарели. Их не совершенствовали – зачем, если все решится в наступлении? Крепость Лилль на бельгийской границе упразднили совсем, там немцев не ждали.

Верховным главнокомандующим стал начальник генштаба 62-летний маршал Жозеф Жак Сезар Жоффр. Герой войн на Мадагаскаре, человек волевой, крайне консервативный и самоуверенный. По французским законам, с начала войны главнокомандующему передавалась полная власть в военных вопросах, и ни президент, ни правительство не имели права

вмешиваться в его распоряжения. А командующим армиями не предоставлялось ни малейшей самостоятельности, каждый шаг они должны были согласовывать с верховным.

Прохождение службы во Франции подразделялось на действительную и службу в запасе. Но на подготовку резерва внимания не обращалось. Французы были убеждены, что войну должна вести только кадровая армия. У резервистов не может быть нужного «порыва», и разбавлять ими регулярные части нельзя, чтобы не ослабить «дух». Тем, кого призовут из запаса, оставляли охрану тыловых объектов, патрулирование. Мало того, французское командование переносило собственные взгляды и на противника. Пребывало в полной уверенности, что немцы тоже не станут использовать резервистов. У немцев почти все корпуса существовали «в двух экземплярах», полевые и резервные, причем с таким же номером. Но французы считали их за один. Разведка многократно докладывала, что это не так, однако начальство ее информацию отметало. Дескать, такого не может быть.

В результате силы противника преуменьшались чуть ли не вдвое! Французские шпионы за огромную сумму купили у германского генштабиста план Шлиффена, но его признали фальшивкой! Прикинули по собственным оценкам численность немцев (получалось 26 корпусов), и выходило, что на всю протяженность фронта, на обход через Бельгию, этого не хватит. Заместитель председателя военного совета Мишель поверил, что план Шлиффена истинный, настаивал на

усилении обороны, но Жоффр заявил: «Нет смысла обсуждать это предложение. Генерал Мишель не в своем уме». Для французской армии был разработан План-17. Вдоль границ с Германией разворачивались 5 армий. Главный удар наносился на правом фланге, в Лотарингии, второй удар – в Арденнах. Предполагалось прорвать неприятельскую оборону и двигаться за Рейн, на Берлин. А левый фланг на границе с Бельгией оставался вообще неприкрытым. Именно тот участок, куда нацеливались стрелы немецкого генштаба.

В Берлине о недостатках французской армии знали, более опасным противником считали англичан. Но британцы, наращивая флот, начали экономить на сухопутных войсках. Ассигнования на них за 10 лет сократились втрое. Тех мощных армий, которые Англия выставляла в начале века против буров, уже не существовало. В самой Англии располагались лишь 6 пехотных и 1 кавалерийская дивизии. Это были прекрасные профессиональные соединения, они состояли почти из одних сержантов. Но развернуть их за счет призыва пополнений было невозможно. У англичан не было воинской повинности, армия формировалась по принципу добровольного найма – соответственно, не было обученных резервистов. Правда, имелись многочисленные колониальные войска, но они были разбросаны по всему миру и привыкли нести, в основном, полицейскую службу.

У англичан тоже хватало анахронизмов. Например, наставлениями предусматривалось, что на третий день моби-

лизации должна производиться заточка офицерских сабель. Некоторые высшие офицеры пренебрегали даже пулеметами, считая их «пустой игрушкой». А войны в колониях, легкие победы над «дикарями» выработали у британцев весьма легкомысленное отношение к войне. Когда Англия вступила в мировую схватку, военным министром был назначен покоритель Судана и буров фельдмаршал Китченер. Главнокомандующим экспедиционными силами стал Джон Френч. Четких планов у англичан не было. Одни политики и военачальники полагали, что армия должна быть придатком флота и использоваться для десантов. Другие думали воевать на континенте вместе с французами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.